

О НЕКОТОРЫХ РЕЦЕНЗИЯХ, ПРИПИСАННЫХ БЕЛИНСКОМУ

Сообщения Б. Белова, К. Богаевской, Е. Кийко,
В. Кулешова, Л. Ланского, Ю. Оксмана, В. Потявина
и В. Спиридонова

В томах 55-м и 56-м «Литературного наследства», в разделах «Из литературного наследия Белинского» и «Неизвестные страницы Белинского» напечатано 48 ранее не известных статей, рецензий и заметок критика. За исключением лишь одного произведения, опубликованного по автографической рукописи, тексты всех остальных извлечены исследователями из повременных изданий, где эти тексты были напечатаны анонимно.

В предисловии к первому из названных разделов «Литературное наследство» писало: «Принадлежность Белинскому публикуемых статей и рецензий из „Молвы“, „Литературной газеты“ и „Отечественных записок“ устанавливается как при помощи вновь открытых документально-архивных свидетельств, так и методом обычного в таких случаях текстологического анализа и изучения атрибутируемых текстов по существу. Отсутствие прямых объективных доказательств авторства того или иного писателя прошлого в отношении приписываемых ему позднейшими исследователями текстов неизбежно оставляет известную и, так сказать, принципиальную долю сомнения в бесспорности таких атрибуций. Все же редакция „Литературного наследства“ считает, что представляемые ниже атрибуции являются в достаточной мере обоснованными и потому убедительными. Публикуя результаты отдельных исследовательских разысканий в области установления анонимных статей Белинского, редакция „Литературного наследства“ дает тем самым возможность широкого научного обсуждения этих результатов. Исследователи творчества Белинского получают возможность рассмотреть убедительность представленных доказательств, быть может, дополнить или, наоборот, опровергнуть их кое в чем. Предварительная публикация вновь открытых 25 статей, рецензий и заметок Белинского — необходимый этап, предшествующий ответственному акту окончательного включения этих текстов в академическое, т. е. самое полное и наиболее авторитетное, собрание сочинений критика».

Ниже мы печатаем тринадцать поступивших в редакцию сообщений по вопросу о принадлежности Белинскому некоторых приписанных ему статей, рецензий и заметок. Лишь четыре сообщения относятся к материалам, помещенным в «Литературном наследстве». В них идет спор о принадлежности Белинскому: 1) примечания к публикации перевода «Венецианского купца» Шекспира (сообщение Б. Белова), 2) рецензии на книгу «Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава» <...> Переложение Михаила Де Ла Рю» (сообщение от редакции по поводу поступивших замечаний В. Потявина) и 3) статьи «Ответ на Ответ г-на Д...» (сообщение В. Спиридонова и ответ ему К. Богаевской). Остальные девять сообщений посвящены текстам Белинского, вошедшим в Полное собрание его сочинений, атрибуции 1945 г. в журнале «Театр» (№ 3-4, стр. 79) и одной новейшей публикации в недавно вышедшем сборнике Ленинградского университета. Предметом полемики в этих сообщениях (Е. Кийко, В. Кулешова, Л. Ланского и Ю. Оксмана) являются десять рецензий Белинского.

Таким образом, организованная «Литературным наследством» научная дискуссия вышла за рамки обсуждения вопроса о новых текстах Белинского, напечатанных в нашем издании.

Что касается результатов дискуссии, то для «Литературного наследства» они заключаются, прежде всего, в том, что из 48 текстов, опубликованных в томах 55-м и 56-м нашего издания, возражений, в смысле принадлежности их Белинскому, вызвали лишь три, причем автор одной атрибуции (К. Богаевская), приняв во внимание новые документальные данные, сообщенные ее оппонентом (В. Спиридоновым), все же сохраняет, хотя и в несколько измененном виде, свою точку зрения. Подводить же окончательные исследовательские итоги дискуссии по каждому объекту спора еще преждевременно. Последнее слово здесь может быть сказано лишь в процессе завершения работы по новому изучению и проверке всех текстов Белинского, которая осуществляется сейчас в связи с изданием Полного академического собрания сочинений критика.

Редакция

I

ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА «ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА» ШЕКСПИРА

(«Отеч. записки», 1839, кн. 9)

В томе 55-м «Литературного наследства» (стр. 305—307) М. Поляков приписал Белинскому анонимное примечание к прозаическому переводу «Венецианского купца» Н. Ф. Павлова из «Отечественных записок», 1839, № 9, отд. III, стр. 257—259. Доводы М. Полякова в защиту принадлежности этой заметки перу Белинского представляются нам совершенно неубедительными.

Основной факт, на который опирается М. Поляков, — подстрочная сноска к статье Белинского «Горе от ума», в которой автор сноски говорит о том, что примечание к переводу Павлова написано им (V, 37). Однако достаточно проанализировать текст сноски, чтобы убедиться в том, что ее автор — не Белинский. Действительно, смысл сноски и той фразы в статье, к которой она относится, взаимно исключают друг друга. В статье Белинского:

«...Лирические <...> излияния в монологах <...> непременно должны быть писаны стихами, и переданные в переводе прозою теряют свой поэтический букет и переходят в надутую прозу, чему доказательством могут служить лучшие места шекспировых драм, переведенных прозою» (разрядка наша. — Б. В.).

В подстрочной сноске:

«Да не покажется читателю противоречием этой мысли то, что сказали мы, помещая в „Отеч. записках“ перевод „Венецианского купца“. Мы убеждены в том, что для совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами надобно и переводчику быть Шекспиром; иначе перевод его будет хоть сколько-нибудь неверен — неверен по идее, или форме, и всегда будет более или менее субъективен. Шекспир для чтения может и должен быть переводим прозою...»

Несомненно, Белинский не мог одновременно в одном и том же месте высказать два взаимно исключающих друг друга суждения о том, что переведенные прозой даже лучшие места шекспировых драм <...> теряют свой поэтический букет и что «Шекспир <...> может и должен быть переводим прозою». Утверждение же автора подстрочной сноски о том, что для «совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами нужно и переводчику быть Шекспиром» звучит крайне наивно, совсем в духе Краевского но никак не Белинского!

Заметим, что мысль о методе перевода Шекспира, высказанная в основном тексте статьи о «Горе от ума», является повторением того, что говорил Белинский еще в 1837 г. в статье о «Гамлете» в переводе Полевого:

«Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить... Надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального. Кажется, что бы могло быть ближе прозаического перевода, в котором переводчик несколько не связан, а между тем прозаический перевод есть самый отдаленный, самый неверный и неточный при всей своей близости, верности и точности» (III, 341—342. Разрядка наша — Б. В.).

Ясно, что подстрочная сноска в статье о «Горе от ума» написана не Белинским, а кем-то другим. Автор ее является и автором примечания к «Венецианскому купцу».

Следует заметить, что текст опубликованного М. Поляковым примечания вовсе не является новостью. О его существовании знал еще С. А. Венгеров (V, 544). Однако он не внес заметку о «Венецианском купце» в собрание сочинений Белинского и оговорил в примечаниях к статье о «Горе от ума», что подстрочная сноска к ней написана не Белинским. Странно, что М. Поляков обходит молчанием это обстоятельство.

Прочие соображения М. Полякова в пользу авторства Белинского не выдерживают критики в еще большей степени. Он пишет:

«Собиранием материалов для „Отечественных записок“ в Москве занимался Белинский. Естественно, что Белинский, близко знавший Павлова, находившийся с ним в деловых и дружеских <?!> отношениях, мог быть посредником между ним и Краевским — и естественно, было бы <?>, чтобы именно Белинский сопровождал примечаниями перевод Павлова» («Лит. наследство», т. 55, стр. 306).

Что подразумевает М. Поляков под «деловыми и дружескими отношениями» Белинского и Павлова? Очевидно то, что Павлов раз или два «одалиживал» его деньгами. Но ведь общеизвестно отрицательное и даже резко враждебное отношение Белинского к Н. Ф. Павлову, находившемуся в лагере прямых врагов критика (см. «Письма», I, 118; С. А. Шевский. Белинский в оценке его современников, Спб., 1911, стр. 123—125 и др.). С другой стороны, Павлов был довольно близок с самим Краевским и не нуждался в посредничестве Белинского при отправлении своего перевода в «Отечественные записки». Очевидно, что Белинский не мог написать рекомендательное примечание к переводу своего и личного врага да еще заявлять при этом, в целях рекламы перевода, что «проза — единственная форма, в которой Шекспир должен быть передаваем русским читателям», противореча своим прежним высказываниям. Наивно-восторженное отношение к творчеству Павлова было характерно для Краевского и рельефно выразилось в его статье о «Трех повестях» («Отеч. записки», 1839, № 11).

Замечание Белинского о невозможности передачи духа шекспировских трагедий прозаическим переводом в статье о «Горе от ума», помещенной в «Отечественных записках», 1840, № 8, явилось прямым ударом, направленным против прозаического перевода «Венецианского купца», сделанного Н. Павловым и помещенного в пятой книжке этого же журнала. Именно так и нужно расценивать это выступление.

Что же касается «теоретического», по словам М. Полякова, характера примечания к «Венецианскому купцу», то это, несомненно, одна из неудачных попыток «теоретизировать» Краевского, бывшего, по выражению Белинского, «человеком дела, а не мысли» («Письма», II, 191). Подстрочной сноской к статье Белинского о «Горе от ума», в которой он ссылаясь на свое апологетическое, в отношении перевода Павлова, примечание к «Венецианскому купцу», Краевский стремился ослабить силу удара, нанесенного критиком павловскому прозаическому переводу. На принадлежность примечания редактору некоторым образом указывает и подпись «Р е д.».

Опубликовав эту заметку, М. Поляков в сущности приписал Белинскому мнение, ему не свойственное и абсолютно неверное, ибо в дальнейшем преимущества стихотворных переводов Шекспира сделались совершенно очевидными. К сожалению, ошибка, допущенная М. Поляковым, не осталась в пределах публикации в «Литературном

наследстве». Она повторена в примечаниях к редактированному им первому тому массового издания избранных сочинений Белинского (М., 1948, т. I, стр. 784).

Выводы:

1. Примечание к «Венецианскому купцу» в переводе Н. Ф. Павлова, приписанное М. Поляковым Белинскому, в действительности последнему не принадлежит.

2. Подстрочная сноска к статье о «Горе от ума» также написана не Белинским, на что и нужно указывать при печатании этой статьи.

3. И сноска в «Горе от ума» и примечания к «Венецианскому купцу» принадлежат, вернее всего, Краевскому.

Б. Белов

II

«УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, АЛЬМАНАХ НА 1840 ГОД, ИЗДАННЫЙ В. ВЛАДИСЛАВЛЕВЫМ. ВТОРОЙ ГОД»

(«Отеч. записки», 1839, кн. 12) *

В отделе «Современная библиографическая хроника» 12-го (декабрьского) № «Отечественных записок» за 1839 г. помещена анонимная рецензия на альманах «Утренняя заря» на 1840 г., изданный В. Владиславлевым (стр. 3—15). Есть, на наш взгляд, веские основания приписать эту рецензию Белинскому, главному сотруднику библиографической хроники в «Отечественных записках», начиная с осени 1839 г.

Бросается в глаза уже то обстоятельство, что в этом отделе 12 № журнала, согласно данным Полн. собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, за критиком числится всего лишь одна рецензия — на сочинение Каменского «Искатель сильных ощущений». Вряд ли Белинский, главный критик журнала, мог ограничиться столь скромной лептой в 12 № журнала. В предыдущем номере у него было двенадцать рецензий, а в последующем, то есть в 1 № за 1840 г., — одиннадцать рецензий. Это несоответствие тем более бросается в глаза, что и в отделе «Критики» 12 № помещена только одна статья Белинского «Очерки Бородинского сражения», а в «Литературных прибавлениях», в которых Белинский также сотрудничал, количество его рецензий было ничуть не больше обыкновенной нормы. Отметим и то обстоятельство, что в след за устанавливаемой нами рецензией на «Утреннюю зарю» в 12 № «Отеч. записок» следует уже называвшаяся рецензия Белинского на сочинение Каменского (стр. 15—23). Принадлежность Белинскому этой последней подтверждается письмом критика к В. П. Боткину от 3 февраля 1840 г., и она твердо вошла в Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова.

Перейдем теперь к главным аргументам.

Альманах «Утренняя заря» издавался в 1839—1843 гг. (5 книжек). Белинский неизменно положительно отзывался об альманахе Владиславлева, и в венгеровском издании имеются четыре его рецензии на альманах на 1839, 1841, 1842 и 1843 гг. (IV, 80—89; V, 502—512; VII, 63—65 и 495—499).

Странный «пробел» — отсутствие у Белинского рецензии на «Утреннюю зарю» на 1840 г. впервые привлек внимание В. С. Спиридонова, который в редактированный им XIII том Белинского включил как принадлежащую критику анонимную рецензию на этот альманах, появившуюся в «Лит. газете» 1840 г. в № 1 ** (см. т. XIII, стр. 32—34 и стр. 427). В примечаниях Спиридонов привел вполне убедительную аргументацию в пользу авторства Белинского, — соответствующие параллели из других рецензий критика на тот же альманах. Спиридонов отметил и тот факт, что Белинский собирался лично участвовать в «Утренней заре» на 1840 г., о чем

* Считая аргументацию В. Кулешова о принадлежности Белинскому рецензии на «Утреннюю зарю» в некоторых отношениях спорной, редакция помещает ее здесь в порядке обсуждения.

** С начала 1840 г. «Литературные прибавления» были преобразованы Краевским в «Литературную газету».

он сообщал 19 августа 1839 г. в письмах к Краевскому и Панаеву. «После этого, — пишет Спиридонов, — [ничего не сказать ему об „Утренней заре“ — это значило бы совсем разобидеть В. А. Владиславлева]» (т. XIII, стр. 424). Насколько Белинский был нацелен так сказать на «Утреннюю зарю» на 1840 г., свидетельствует и следующая выразительная концовка в его рецензии на тот же альманах, вышедший на 1839 г.: «Желаем от всей души, — писал Белинский, — чтоб г. Владиславлев к тому году <1840 — В. К.> выпустил еще такой альманах» (IV, стр. 89). Таким образом, при всех вышеизложенных обстоятельствах Белинский-рецензент никак не мог «пропустить» этот альманах. Но мы считаем, что ответом! Белинского была не только маленькая, открытая Спиридоновым рецензия в «Лит. газете», но и устанавливаемая нами большая рецензия в «Отеч. записках», появившаяся кстати на полмесяца раньше первой. Рецензия «Лит. газеты» в той части, в которой говорится непосредственно об альманахе, является как бы конспективной перифразой рецензии «Отеч. записок». Отметим кстати, что все рецензии Белинского на «Утреннюю зарю» появились именно в «Отеч. записках» за исключением первой, появившейся еще в «Московском наблюдателе» в начале 1839 г. Устанавливаемая нами рецензия во всех основных своих положениях перекликается и с открытой Спиридоновым рецензией и с ранее известными рецензиями критика на «Утреннюю зарю».

В настоящей рецензии читаем: «г. Владиславлев заказывал свои гравюры с картин, достойных названия истинно художественных произведений, так что если он будет продолжать дарить публику подобными гравюрами, то со временем из альманахов его можно будет извлечь коллекцию картин, которая в малом виде составит превосходнейшую гравюрную галлерею» (стр. 3).

В рецензии, установленной Спиридоновым, говорится то же самое: «картинки его <альманаха — В. К.> суть превосходнейшие копии с превосходнейших оригиналов наших отечественных художников; в течение нескольких лет альманах г. Владиславлева может представить прекрасную галлерею русских художественных произведений» (XIII, 34).

В настоящей рецензии говорится: «Что же касается до внутреннего достоинства статей, составляющих в нынешнем году альманах г. Владиславлева, то в этом отношении он далеко превзойдет не только английские кипсеки, но и немецкие альманахи, которые, никогда не отличаясь красотой изданий, всегда имели на своей стороне перевес по своему „внутреннему достоинству“» (стр. 5).

В рецензии, установленной Спиридоновым, читаем: «Отличаясь всеми достоинствами альманахов европейских <...> он имеет еще то достоинство перед ними, что картинки его суть превосходнейшие копии с превосходнейших оригиналов» и т. д. и затем: «Но, кроме превосходных картин, „Утренняя заря“ 1840 года богата прекрасными статьями в прозе и стихах» (XIII, 34). Конечно, может возникнуть еще сомнение, что автором обеих рецензий было другое лицо, а не Белинский. Например, в «Отеч. записках» 1839 г. в № 2 (отд. VII, стр. 1—12) был помещен чей-то превосходный разбор «Утренней зари» на 1839 г. Но, во-первых, сотрудничая в «Отеч. записках», Белинский уже сам писал все последующие рецензии на «Утреннюю зарю», во-вторых, у настоящей рецензии много совпадений с известными рецензиями Белинского на этот альманах. Например, в рецензии на «Утреннюю зарю» на 1841 г. говорится то же, что в предыдущих: «по внешнему изяществу и роскоши альманах г. Владиславлева — европейский в полном значении этого слова, а по содержанию, вероятно, далеко превзойдет игрушки этого рода, издаваемые в Европе только для картинок» (V, 512).

Самый же главный аргумент: в устанавливаемой рецензии есть прямая ссылка автора на одну из предыдущих рецензий Белинского. Автор говорит, что Загоскин в рассказе «Нескучное», напечатанном в альманахе, «проводит <...> главную, характеристическую черту всех своих сочинений, черту, на которую мы указали при разборе его „Тоски по родине“ в XI-й книжке нашего журнала. . . » Указанная рецензия в XI книжке принадлежит именно Белинскому, она вошла в венгеровское издание сочинений критика, и авторство свое Белинский сам подтверждает в письме к Боткину от 22 ноября 1839 г. («Письма», II, 9).

В совокунности с другими данными, приводимыми нами, это отсылочное выражение «мы указали», обычно не являющееся решающим аргументом, в данном случае, приобретает, мы думаем, всю силу категорического утверждения авторства Белинского в настоящей рецензии.

В рецензии имеются и дополнительные внутренние признаки, свидетельствующие об авторстве Белинского. Автор одобрительно отзывался о В. Одоевском, Основьяненке, Вяземском, Д. В. Давыдове, М. Жуковой, Владиславлеве. Все это соответствует аналогичным высказываниям Белинского об этих писателях в других статьях и рецензиях этого же периода: см., напр., рецензии: на «Утреннюю зарю» за 1841 г. (т. V), «Детские сказки дедушки Ириней» (т. V), «Повести Марьи Жуковой» (т. V). Белинский неоднократно цитировал поправившиеся ему из «Современной песни» Давыдова стихи:

А глядишь наш Мирабо...

и т. д.,

которые целиком перепечатаны в настоящей рецензии из «Утренней зари». Об Основьяненке, в особенности как авторе «Пана Халявского» (повесть напечатана в «Отеч. записках» в том же 1839 г.), Белинский неоднократно высказывался положительно в статьях и переписке. О Вяземском, как поэте, Белинский положительно отзывался и в двух других рецензиях на «Утреннюю зарю» (на 1841 и 1842 гг.) и других статьях, что связано, конечно, с временным примирением Белинского с «расейской» действительностью.

Неизменно с иронической издевкой писал Белинский о Кукольнике и Загоскине. Все эти же приемы мы находим и в настоящей рецензии — отметим и такую характерную деталь: «Последняя прозаическая статья в „Утренней заре“ доставлена г-м Кукольников, — пишет автор настоящей рецензии, — называется она „Антонио“ и !составлена, повидимому, для объяснения прелестного рисунка К. П. Брюллова „Семейство Корреджио“» (стр. 11). На эту же «манеру» творчества Кукольника указывает и Белинский в рецензии на «Утреннюю зарю» 1841 г.: «К „Психее“ — рассказу г. Кукольника, — писал Белинский, — нельзя быть строгим, потому что этот рассказ написан к двум картинкам Брюллова, а эти две картинки стоят двух повестей, ознаменованных великим талантом» (V, 511).

В известной уже нам рецензии на роман «Тоска по родине» Белинский зло высмеял «квасной» патриотизм Загоскина. В настоящей рецензии также говорится о насмешках Загоскина «... над всем [иностранном и похвалах всему русскому]». «Такая похвальная привязанность к своему у автора, — отмечает рецензент, — доходит до того, что он, говоря о просвещении низших классов, уверяет, что просвещение для крестьянина „с'est du luxe“, и утверждает, что „лучше хлопотать поменее о просвещении простого народа, а поболее заботиться о его счастье“, убежденный, что счастье весьма возможно без просвещения». В этой отповеди реакционеру Загоскину чувствуется пафос Белинского, всегда боровшегося за просвещение народа.

В настоящей рецензии мы узнаем Белинского в характеристике хищной американской буржуазии. Пересказывая фантастический роман Одоевского «4338 год», автор подчеркивает: «А между тем, одичавшие американцы, за недостатком других спекуляций, продают свои города с публичного торга, и приходят в Китай грабить: против одних только американцев и существует теперь войско...» (стр. 9).

Белинский неоднократно выступал против растленной буржуазной «американской цивилизации».

В итоге автор рецензии подчеркивает: «Главная мысль романа, основанная на таком твердом веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирообъемлющую судьбу России, мысль истинная и высокая, вполне достойна таланта истинного» (стр. 10—11). Но пророческую веру в «грядущую мирообъемлющую» судьбу России, в это же время со всей силой выразил Белинский в рецензии на «Месяцеслов на (високосный) 1840 год»: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного

мира, дающего законы и науке и искусству и принимающего благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Думается, все сказанное бесспорно свидетельствует, что автором рецензии на альманах «Утренняя заря» на 1840 г. в 12 № «Отеч. записок» за 1839 г. был не кто иной, как Белинский.

В. Кулешов

III

«ОТВЕТ НА ОТВЕТ Г-НА Д.»

(«Отеч. записки», 1846, кн. 5)

1

В «Литературном наследстве» (т. 55, стр. 385—406) была помещена статья «Ответ на Ответ г-на Д.» с довольно пространными соображениями К. Богаевской о принадлежности этой статьи Белинскому и с подробным анализом последней, целью которого было показать, какое важное место эта статья занимает в литературном наследии критика.

К. Богаевская пишет: «По устному сообщению В. С. Спиридонова редакции „Литературного наследства“, он видел списки Галахова и помнит, что статья „Ответ на Ответ г-на Д.“ была помечена там как принадлежащая ему, Галахову. Следует, таким образом, рассмотреть, что же представляют собой так называемые галаховские „реестры“».

Далее К. Богаевская «рассмотрела» эти «так называемые реестры» и сделала правильный вывод, что последние — ненадежный источник для определения авторов анонимных статей и рецензий в «Отечественных записках» и «Литературной газете», издававшихся Краевским. Свой вывод она подкрепила ссылкой на С. А. Венгерова, который отнесся с осторожностью к этим «реестрам», и на В. С. Спиридонова, который сам же одобрил эту осторожность покойного профессора.

Все это правильно. Жаль только, что К. Богаевская уверенно рассуждает о галаховских «реестрах», не выдавши их. Она говорит о них со слов С. А. Венгерова, который также не знал в с е х галаховских «реестров». Дело в том, что в «реестрах», о которых говорит С. А. Венгеров, идет речь о п р е д в а р и т е л ь н о м распределении книг для рецензирования между москвичами — сотрудниками изданий Краевского: Катковым, Кудрявцевым, Галаховым и др. Нас же, в данном случае, интересует не та или иная рецензия, написанная тем или иным сотрудником, а самостоятельная статья полемиического характера, статейный же материал А. Д. Галахов не отмечал в тех «реестрах», которые были в руках С. А. Венгерова и которые имеет в виду К. Богаевская. Следовательно, я не мог «видеть» в этих «реестрах» и «помнить, что статья „Ответ на Ответ г-на Д.“ была помечена там как принадлежащая Галахову».

Но у меня хранятся тетради Галахова; совсем другого рода. В них он помечал с в о и уже написанные и отправленные Краевскому статьи и рецензии с точным указанием времени их отправки. Эти тетради не были известны С. А. Венгерову. Я же использовал их при установлении принадлежности Белинскому анонимных статей и рецензий, уже внесенных мной в XII и XIII тома Полного собрания его сочинений*. Вот в одной из этих тетрадей и помечена статья «Ответ на Ответ г-на Д.», причем указано, что она отправлена Краевскому в два приема — 20 и 22 апреля 1846 г. Отправка статьи по частям явно говорит о том, что Галахов очень спешил с написанием последней, чтобы не опоздать поместить ее в майской книжке «Отечественных записок», где она и была напечатана.

* Эти тетради, на которые ссылался сам Галахов в своих известных воспоминаниях, являются ценным источником для изучения русской журналистики 1830—40-х годов. Они будут мною опубликованы полностью в одном из ближайших томов «Лит. наследства». — В. С.

В конце некоторых тетрадей Галахов вел гонорарные расчеты с Краевским. Здесь, между прочим, он точно определял размер своих статей и рецензий, помещенных в изданиях Краевского. В пятой тетради, против статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», помечено: «13 столбцов и 10 строк». В «Отечественных записках» эта статья занимает 14 столбцов и 10 строк. Но в ней имеется несколько довольно больших цитат, которые, в общей сложности, составляют один столбец. А известно, что Краевский за большие цитаты гонорара не платил. Следовательно, если из статьи «Ответ на Ответ г-на Д.» исключить цитаты, то в ней останется ровно 13 столбцов и 10 строк, как это и помечено в тетради Галахова.

Полагаю, что приведенные документы достаточно говорят в пользу авторства не Белинского, а Галахова.

В. Спиридонов

2

В своем письме в редакцию «Литературного наследства» В. С. Спиридонов сообщает о существовании находящегося в его распоряжении документа, свидетельствующего о том, что автором статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», опубликованной нами в качестве нового текста Белинского, являлся, в действительности, Галахов.

Конечно, не известная нам раньше запись Галахова — документ существенный. Она должна быть принята во внимание при решении вопроса об авторе анонимной статьи, о которой идет речь. Однако так легко и просто отводить авторство Белинского, опираясь лишь на чисто внешний момент, как это делает В. С. Спиридонов, никак нельзя.

Мы знаем, что, уйдя из «Отечественных записок» и окончательно порвав с Краевским, Белинский через Некрасова дал в майский номер журнала за 1846 г. (т. е. в тот же номер, в котором помещен и «Ответ на Ответ г-на Д.») свою рецензию на «Воспоминания» Булгарина. Гонорар за эту рецензию получил также Некрасов, в чем сохранилась его расписка. Казалось бы, при наличии этого документа, «подтверждающего» авторство Некрасова, и речи быть не могло о принадлежности данной рецензии Белинскому. Однако это не помешало В. С. Спиридонову на основании одних внутренних данных приписать рецензию Белинскому. Найденный позже документ — запись Некрасова о передаче гонорара Белинскому — подтвердил основательность предположения В. С. Спиридонова (см. В. Спиридонов «Кто же был автор второй статьи о „Воспоминаниях Фаддея Булгарина“? Белинский или Некрасов?» — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Покровского, факультет языка и литературы, вып. 1, 1938, стр. 78—85).

Точно так же опубликованные недавно гонорарные ведомости «Современника» и «Отечественных записок» («Лит. наследство», т. 53—54) показывают, что и официальные бухгалтерские документы больших журналов далеко не во всех случаях позволяют установить авторов некоторых статей. Не всякая статья, гонорар за которую был получен Добролюбовым или Чернышевским, принадлежит Добролюбову или Чернышевскому. Бывали случаи, когда имена авторов скрывались в целях конспирации. Добролюбов часто получал гонорар за начинающих неопытных авторов, своих товарищей по Педагогическому институту, статьи которых он редактировал, и рассчитывался с ними неофициально.

Таким образом, методологически недопустимо механически опираться при определении авторства анонимных произведений только на те или иные документы, не анализируя как эти «документы», так и самые произведения по существу.

Мы считаем излишним приводить здесь в торично все наши доводы о принадлежности названной статьи Белинскому (см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 396—400) и повторяем только суть их: «Такой детальный и точный ответ на все пункты обвинений, выдвинутых Голохвастовым, построенный на строго последовательном развитии и утверждении положений предыдущих статей, написанных Белинским, мог дать только автор последних». Отводя авторство Белинского от статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», логически следовало бы отводить его и от первых двух статей этой полемики.

Почему же В. С. Спиридонов обходит полным молчанием все наши доводы по существу и не касается даже вопроса о взаимоотношении первых двух статей с третьей и связи этой третьей статьи с Белинским? С нашей же точки зрения, участие Белинского в статье «Ответ на Ответ г-на Д.» является **б е с с п о р н ы м**.

Прочтя крайне резкий ответ Голохвастова в мартовской книжке «Москвитинина» за 1846 г. (попавшей в Петербург в первых числах апреля), Белинский, по удачному определению С. А. Венгерова, «самый страстный полемист в русской литературе», лично задетый Голохвастовым, не мог, конечно, обойти его статью молчанием. Естественно, что он как-то должен был на нее реагировать. Чувствуя себя совершенно больным, собираясь ехать лечиться на юг, а главное не желая, да и не имея возможности вступать от своего имени в какие-либо переговоры с Краевским (с которым он только что порвал отношения), Белинский прежде всего должен был обратиться за содействием в этом деле именно к Галахову, присяжному критику «Отеч. записок», специально занимавшемуся вопросами русского языка и грамматики, и передать ему для окончательного оформления и те страницы «Ответа», которые могли быть написаны только им самим. К сожалению, переписка Белинского с Галаховым за это время не дошла до нас, и мы не можем документально подтвердить наше предположение. Но наше твердое убеждение, основанное на детальном изучении статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», что она написана Галаховым **п р и с а м о м б л и з к о м** участии Белинского.

К. Богаевская

IV

«ЕВРЕЙСКИЕ СЕКТЫ В РОССИИ» В. В. ГРИГОРЬЕВА И «САМОЕДЫ В ДОМАШНЕМ И ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ» В. ИСЛАВИНА

(«Современник», 1847, кн. 3 и 4)

В тринадцатый том Полного собрания сочинений Белинского под ред. В. С. Спиридонова введены рецензии на книги: В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту» из «Современника», 1847, № 3 (XIII, 196—202) и В. В. Григорьева «Еврейские секты в России» из «Современника», 1847, № 4 (XIII, 204—205). Пользуемся случаем, чтобы выразить сомнение в том, что автором этих рецензий является Белинский.

Обе рецензии приписаны Белинскому А. М. Путинцевым и опубликованы им с весьма легковесной аргументацией в смоленском журнале «Наступление», 1935, № 10. Свои доказательства принадлежности Белинскому рецензии о книге В. В. Григорьева исследователь подытоживает следующим образом: 1) «Сильный интерес к этой книге у Белинского может быть объяснен из его рецензентской обязанности» (!!); 2) «Общее рассуждение о религии типично для Белинского»; 3) «Мысли, выраженные в рецензии, несмотря на цензурные искажения, мысли именно Белинского» (цит. изд., стр. 83). Оставив в стороне не стоящий опровержения причудливый первый довод, заметим только, что никаких мыслей, «типичных именно для Белинского», рецензия в себе не заключает. Единственная фраза, на которую ссылается Путинцев, — из письма Белинского к Герцену от 26 января 1845 г.: «в словах б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре», — не имеет ничего общего с основной мыслью рецензии: «История религии разрешает довольно очевидно вопрос о том, в каких положениях выражена истинная, не подлежащая критике или, лучше сказать, выдерживающая всякую критику, религия...»

Вообще же вся рецензия является не чем иным, как беглым, полуконспективным изложением основных положений разбираемой книги и написана в манере, совершенно не присущей Белинскому. Скванность, беспомощное следование за автором, вместо критического анализа, употребление слов и выражений, чуждых лексикону Белинского, — все это с очевидностью обнаруживает, что рецензия приписана ему ошибочно.

То же следует сказать и о рецензии на книгу В. Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту». На этот раз «аргументация» Путинцева еще более несерьезна. Рецензия эта, утверждает автор публикации, принадлежит Белинскому потому, что разбираемая книга — географическая, а Белинский «очень любил географию»; сочувствие самоедам «могло быть высказано с такою силою убеждения чувства только Белинским из числа всех лиц, помещавших в то время свои статьи по критике и библиографии»; типично для Белинского то, что в рецензии «не оставлены без внимания политапажи и карты» (в рецензии — простое упоминание об иллюстративных материалах).

Однако изучение текста рецензии не обнаруживает в ней ни одной черты, в каком-либо отношении характерной для Белинского. Не свойственная поздним статьям Белинского фельетонная манера, частое употребление прилагательных после существительных («вы человек любознательный и читатель неутомимый», «страсти бурные, неукротимые», «нужды самые страшные, притеснения самые произвольные» и т. д.) — все это, наоборот, убеждает, что Белинский не мог быть автором этого отзыва.

Обе названные нами рецензии, ошибочно приписанные Белинскому, показывают, насколько ложен прием атрибутирования вновь обнаруживаемых статей путем одних «логических» или эмоционально-вкусовых доводов, без углубленного анализа самого публикуемого текста, его смысловых и стилистических особенностей. Именно подобное абстрагирование от текста и дает совершенно ошибочные и построенные на одних натяжках атрибуции.

Л. Ланский

V

«МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК НА 1847 ГОД»

(«Современник», 1847, кн. 6)

1

В сборнике «Белинский» Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Л., 1949) опубликована приписываемая критику новая статья, представляющая собою развернутую рецензию на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». Публикация сопровождается пояснительной заметкой Е. Кийко, в которой доказывается, что рецензия принадлежит именно Белинскому.

Несмотря на ряд удачных текстовых параллелей, аргументация и выводы Е. Кийко все же не представляются нам вполне убедительными. Мы обратили внимание на эту рецензию еще в 1948 г. в своей кандидатской диссертации «В. Г. Белинский в „Современнике“ 1847—1848 гг.» (экземпляр которой хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина) и, не отрицая известного участия Белинского, считали, что рецензия написана критиком в соавторстве с Некрасовым. Во всяком случае последнему принадлежит, видимо, окончательная ее обработка. Только этим можно объяснить тот факт, что ни в письмах самого Белинского, ни в переписке и позднейших воспоминаниях его друзей, сотрудников и других современников, ни, наконец, в редакторской работе Н. Х. Кетчера над первым собранием сочинений критика, не сохранилось никаких свидетельств об авторстве Белинского в отношении этого текста, представляющего собой не мелкую рядовую рецензию, а большое, принципиальное выступление по ряду актуальных общественно-исторических и литературных вопросов.

Статья напечатана в июньском номере «Современника» за 1847 г., вышедшем в свет в начале июня (дата цензурного разрешения — 31 мая). Но известно, что Белинский с 5 мая по конец сентября этого года лечился за границей. Е. Кийко пытается обойти категорическое указание Белинского в письме к В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847 г.: «пока я был за границею, в 5 №№ «Современника». — В. К.» уже буквально не было никакого с моей стороны участия» («Письма» III, 270). Эти пять номеров: и ю н ь с к и й,

июльский, августовский, сентябрьский и октябрьский. Приехав в Петербург в конце сентября, Белинский для участия в октябрьском номере уже опоздал. В майском и ноябрьском номерах Белинский участвовал. Совершенно произвольно Е. Кийко толкует приведенную цитату в том смысле, что Белинский говорит в ней якобы о своем неучастии только в «редакционной работе», в «подборе материала», а не о неучастии в качестве автора. Но такое толкование не более чем домысел и совершенно неосновательный. Откуда это все берет Е. Кийко? В письме Белинский заявляет: «б у к в а л ь н о н е б ы л о н и к а к о г о с м о е й с т о р о н ы у ч а с т и я». Как же еще яснее выразиться? Кроме того, из контекста письма совершенно ясно, что Белинский говорит о своем неучастии также и в качестве автора. Выделим разрядкой слова, замененные в цитации Е. Кийко точками: «Я помог „Современнику“, — писал Белинский, — только моим именем, а действительного моего участия в нем мало заметно было и до моего отъезда за границу (у м и р а я, м у д р е н о п и с а т ь х о р о ш о, и д а ж е т а к, к а к я п и с а л, у м и р а я, т о л ь к о я м о г п и с а т ь п о м о е й п р ы в ы ч к е к д е л у, о б р а т и в ш е й с я у м е н я в н а т у р у); пока я был за границею, в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия».

Забывает Е. Кийко и о том, что сообщал Белинский Д. П. Иванову в день своего отъезда за границу 5 мая 1847 г.: «Сам я писать не могу, ибо в последнее время даже для журнала не мог работать, ни записки написать» («Письма», III, 210. Разрядка наша. — В. К.). Е. Кийко приводит другое, более раннее заявление Белинского в письме к Боткину от 22 апреля 1847 г.: «работы пропасть, — и если я пишу к тебе, то по особенному обстоятельству» («Письма», III, 200). Е. Кийко полагает, что слова эти относятся к подготовке материалов июньского номера, так как майская книжка будто бы была в это время уже готова. Судя по письмам Некрасова к Никитенко, указывает Е. Кийко, майский номер мог выйти во-время только в том случае, если к 20—22 апреля все материалы были бы просмотрены редактором, т. е. Никитенко, и отосланы в типографию.

Но прежде всего в этих письмах речь идет о п р е д п о л а г а е м ы х сроках сдачи последних материалов майской книжки в типографию и возможно, как это чаще всего и случалось, что сроки эти в действительности отодвинулись на несколько дней. Затем, и это главное, даже оставаясь в пределах названных Некрасовым сроков, день 22 апреля был последним, когда редакция сдавала номер. В этот день и ближайшие к нему у нее было действительно «работы пропасть», и эти слова Белинского, написанные как раз 22 апреля, вряд ли могут означать, что он, еще не успев завершить сдачу майской книжки, тут же и с таким же напряжением взялся за работу над июньской книжкой.

Гораздо естественнее предположить, что 22 апреля майский номер не был еще готов, ибо больной Белинский запаздывал со своими статьями, а отсюда и «работы пропасть». Известно, что иногда статьи Белинского доставлялись в типографию в последний момент и «по листочку». Известно также, что интервал между сдачей редакцией «Современника» последних материалов в набор и датой цензурного разрешения на соответствующую книжку составлял иногда всего 2—3 дня. Таким образом дата цензурного разрешения — 30 апреля, стоящая на майской книжке, еще не свидетельствует сама по себе, что к 22 апреля вся редакционная работа над этой книжкой была полностью завершена.

Перед отъездом за границу Белинский, видимо, успел лишь набросать общие контуры статьи, оставил «материалы», «инструкции». Отсюда многие совпадения с его прежними статьями. Но поскольку в целом статья еще должна была быть существенно доработана, Белинский и не считал ее своей.

Игнорируя прямое и категорическое указание Белинского, что он не участвовал ни в одном из пяти номеров «Современника», выпшедших за время его пребывания за границей, а значит, и в июньском номере, Е. Кийко в то же время проходит мимо другого заявления, сделанного Некрасовым в автобиографии: «Рецензий моих много в „Литературной газете“, в „Отеч. зап.“ (до 1846 года) и в „Современнике“ (начиная с 1847 года). В последнем, может быть, найду способ указать некоторые, если мне будут

делать запросы. Когда Белинский уехал за границу, я писал много рецензий (1847—1848)» («Лит. наследство», т. 49—50, 1946, стр. 153. Разрядка наша. — В. К.).

Некрасов идейно был самым близким к Белинскому сотрудником «Современника». Между их статьями много общего. Из текста рецензии ясно, что писал ее один из редакторов журнала. Никитенко и Панаев отпадают. Ни с тем, ни с другим именем решительно невозможно связать ни содержание, ни пафос, ни направление, ни стиль статьи.

Белинский, по приведенным соображениям, может считаться лишь соавтором или вдохновителем рецензии. Непосредственным автором-исполнителем ее, всего вероятнее, был Некрасов.

В настоящей рецензии имеется пародия «Нового поэта» на стихотворение кн. Вяземского. Во всех других статьях Белинского нет ни разу обращения к «Новому поэту». И наоборот, в известных теперь статьях Некрасова в «Современнике» эти обращения — обычное явление (см., например, рецензию на поэму Сушкова «Москва». — № 4, 1847; «Современные заметки». — № 7, 1847).

Сам Белинский пародий не писал. Под псевдонимом «Нового поэта» выступал П. Панаев, но иногда и Некрасов. Характерно, что пародия на стихотворение кн. Вяземского не вошла в «Собрание стихотворений Нового поэта» 1856 г., в которых преимущественно помещены стихотворения Панаева. Издание это вышло при жизни Панаева (ум. в 1861 г.). Это обстоятельство наводит на мысль, что автором пародии на стихотворение кн. Вяземского был не Панаев, а Некрасов. Но если бы все же нашлись материалы, подтверждающие авторство Панаева в отношении пародии, это не могло бы снять наш главный аргумент: включение в текст критических статей и рецензий пародийных стихов «Нового поэта» — прием Некрасова, а не Белинского. Отметим кстати, что автор рецензии заканчивает ее сообщением о том, что «Новый поэт» обещал «Современнику» «особенную статейку» о стихотворных посланиях Языкова, «с выписками, цитатами, вариантами и образчиками посланий во всех родах...» Этот неосуществившийся пародийно-сатирический замысел логичнее всего связать также с Некрасовым — автором двух замечательных пародий на «Послание к соседу» (1844) и «Послание к другу из-за границы» (1845) Языкова.

Говоря о напечатанных в «Московском сборнике» письмах Карамзина, автор рецензии пишет: «они подтверждают справедливость горькой истины, что есть что-то роковое в судьбе русских писателей...». Е. Кийко приводит по этому поводу ряд близких по мысли высказываний Белинского, отнюдь не являющихся, однако, текстовыми и тем более фразеологическими параллелями к цитируемому месту. Но как не вспомнить в этой связи известные некрасовские строки:

Братья писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое...

Строки эти из стихотворения 1855 г. «В больнице», следует, нам кажется, рассматривать в качестве поэтической автоцитаты или, точнее, автореминисценции из текста рецензии, что тоже является аргументом в пользу авторства Некрасова.

Что касается отрицательного отзыва автора рецензии о «Двойнике» Достоевского, то отзыв этот характерен равно и для Белинского и для Некрасова. Известно, что Некрасов правил рукопись статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и своей правкой усилил резкость критических замечаний Белинского по адресу Достоевского, в особенности в том месте статьи, где Белинский дает советы писателю — сократить «Двойник» на одну треть, от чего повесть значительно выиграла бы. Там же Некрасов делает резкие замечания по поводу искусственности и манерности слога Достоевского.

В итоге всего сказанного мы считаем, что рецензия на «Московский литературный и ученый сборник» написана Некрасовым, вероятно, при значительном участии Белинского.

В. Кулешов

Формальным поводом для того, чтобы отрицать принадлежность Белинскому рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», является, по мнению В. Кулешова, письмо, написанное критиком после возвращения из-за границы, где он лечился в течение пяти месяцев — с мая по сентябрь 1847 г.

Для избежания произвольных толкований, процитируем полностью соответствующее место из письма Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г.:

«Я помог «Современнику» только моим именем, — писал Белинский, — а действительно моего участия в нем мало заметно было и до моего отъезда за границу (умирая, мудроно писать хорошо, и даже так, как я писал, умирая, только я мог писать по моей привычке к делу, обратившейся у меня в натуру); пока я был за границею, в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия. От этого произошли те важные недостатки «Современника», в которых ты его очень основательно обвиняешь. Это был сборник статей, весьма замечательный, можно сказать, превосходный; но журнал плохой, вовсе не журнал» («Письма», III, 269—270).

В цитированном письме Белинский подчеркивал, во-первых, не столько то, что он мало писал для «Современника», сколько то, что он мало его редактировал, и именно поэтому — «Современник» был скорее сборник статей, чем журнал; во-вторых, Белинский делал ударение на том, что пока он был за границей, с его стороны не было «буквально никакого участия» в журнале, т. е. и как редактора и как сотрудника критического отдела.

Действительно, в настоящее время можно считать установленным, что Белинский, находясь за границей, не присылал для журнала своих рецензий, но это не значит, однако, что до отъезда за границу он не мог оставить материал, который не вошел в майский номер и был помещен в следующем, июньском.

Это утверждение не противоречит и указанию Некрасова, которое привлекает В. Кулешов, на то, что, когда Белинский уехал за границу, он писал много рецензий для «Современника» («Лит. наследство», т. 49—50, 1946, стр. 153).

В. Кулешов в своем истолковании письма Белинского к Боткину вырывает из общего контекста указание: «в 5 №№ уже буквально не было никакого с моей стороны участия» — и таким образом придает ему форму категорического утверждения. В. Кулешов не учитывает, что в частном письме Белинский мог и не оговорить того, что его «неучастие» в журнале относится к июньскому номеру, т. е. к тому, где была напечатана рецензия, не в полной мере. Это тем более вероятно, что, как уже указывалось выше, Белинский в первую очередь подчеркивает недостатки «Современника» как журнала и свою вину в этом. Ведь пишет же он, что «действительно моего участия в нем <в журнале.— Е. К.> мало заметно было и до моего отъезда за границу», хотя в первых трех книжках «Современника» за 1847 г. было напечатано значительное число рецензий Белинского и такая принципиально важная статья, как «Взгляд на русскую литературу в 1846 году».

Ссылка В. Кулешова на письмо Белинского к Д. П. Иванову от 5 мая 1847 г. также представляется неубедительной. В. Кулешов не учитывает, что Белинский пишет родственнику, перед которым извиняется, что не написал другим родным: «Обо всем этом уведомь наших родных, — писал он Д. П. Иванову, — и передай им мой родственный и дружественный поклон и привет, и желание всяких им благ. Сам я писать не могу, ибо в последнее время даже для журнала не мог работать...» («Письма», III, 210).

Совершенно очевидно, что Белинский здесь преувеличивает свое болезненное состояние, чтобы оправдаться перед родственниками, ибо в письме к Боткину, которое написано в один день с этим письмом, т. е. тоже 5 мая, он писал: «хотел бы обо многом писать к тебе, да некогда, не до того» («Письма», III, 209). Как видим, в письме к Боткину Белинский мотивировал краткость письма не нездоровьем, а отсутствием времени.

Характерно также то, что в письме к Боткину от 22 апреля 1847 г. Белинский сообщает, что его здоровье «лучше теперь против прежнего» и что «работы пропасть». И в другом месте этого же письма: «хотелось бы обо многом поговорить с тобою, особенно

насчет „Хоря и Калиныча“ <...> но писать некогда, времени немного, а работы бездна. благо я могу теперь хоть через силу работать» («Письма», III, 200, 207).

Итак, Белинский в этом письме д в а ж д ы подчеркивает, что «работы бездна», «работы пропасть» и что ему теперь лучше и он может работать.

Это письмо к Боткину свидетельствует не только о том, что Белинский в состоянии был писать, но что его здоровье позволяло ему даже заниматься разбором внутри редакционных недоразумений.

Таким образом, тот факт, что Белинский перед отъездом за границу много работал для журнала, можно считать несомненным. А если это так, то странно, что в № 5 «Современника» Белинский напечатал только один отрывок из «Современных заметок» (XIII, 240). Кроме того, нам кажется неправдоподобным, что Белинский, тратя силы и время на обсуждение редакционных дел второстепенной важности в огромном письме к Боткину, оставил, уехав за границу, в неоконченном виде принципиально важную рецензию на «Московский сборник». Очевидно, Белинский не успел закончить к выходу № 5 «Современника» тот материал, над которым он работал до отъезда за границу.

Этот факт признает и В. Кулешов. Имея в виду рецензию на «Московский сборник», он пишет: «Перед отъездом за границу Белинский, видимо, успел лишь набросать общие контуры статьи, оставил „материалы“, „инструкции“. Отсюда многие совпадения с его прежними статьями».

Следовательно, В. Кулешов признает, что до отъезда за границу Белинский работал над рецензией.

При этом В. Кулешов считает, что Белинский был «вдохновителем рецензии», а Некрасов — «автором-исполнителем».

Но что такое «автор-исполнитель»? Какова конкретно была его функция?

В. Кулешов не приводит ни о д н о г о сколько-нибудь основательного аргумента в пользу авторства Некрасова.

В самом деле, В. Кулешов пишет о том, что в рецензии имеется пародия «Нового поэта» на кн. Вяземского, в то время, как сам Белинский пародий не писал. Следовательно, делает вывод Кулешов, эта рецензия написана Некрасовым.

Однако, основываясь на этом аргументе, с тем же основанием эту рецензию можно было бы приписать и Панаеву, так как именно Панаев чаще всего выступал под псевдонимом «Нового поэта». Поэтому В. Кулешову нужно еще прежде доказать, что пародия на кн. Вяземского действительно написана Некрасовым. Предполагать же принадлежность этой пародии Некрасову только на основании того, что она не вошла в Собрание сочинений «Нового поэта» в 1856 г., мы не имеем оснований, так как известно, что в этот сборник не вошли некоторые пародии самого Панаева, и с другой стороны, в нем напечатано несколько пародий Некрасова.

Учитывая подобное возражение, В. Кулешов пишет: «Но если бы все же нашлись материалы, подтверждающие авторство Панаева в отношении пародии, это не могло бы снять наш главный аргумент: включение в текст критических статей и рецензий пародийных стихов «Нового поэта» — прием Некрасова, а не Белинского».

Однако и этот аргумент оказывается несостоятельным. Включить пародию «Нового поэта» в т е к с т Б е л и н с к о г о мог и Некрасов (независимо от того, кто ее написал, Панаев или он сам) как р е д а к т о р, который готовил статью Белинского к печати в № 6 «Современника».

Вместе с тем нельзя столь категорически, как это делает В. Кулешов, утверждать, что прием включения в текст рецензий пародийных стихов был чужд Белинскому.

Доказательство того — «Современные заметки», написанные Белинским примерно в то же время, что и рецензия на «Московский сборник», для № 5 «Современника».

Там мы читаем:

«Чудесные стихи! Но за что ж такая честь одному Лежару, отчего ж не почтить и Гверру хоть такими стихами:

Цырколюбец, плачь без меры:
Уезжает труппа Гверры.
После хладного апреля
Не пройдет одна неделя,

Как от нас он свой народ
И лошадок уведет...
Нет!.. не плачьте, цырколюбцы —
Это ведь карма н о г у б ц ы.

Наше подражание слабо, и только последнее слово достойно г. фельетониста, чем мы и гордимся... Надо было слишком много условий, чтоб возвыситься до него» (XIII, 220).

Мы не пытаемся решить вопрос, кем написана эта пародия. Важно то, что в свой текст Белинский включил пародийные стихи. Следовательно, этот прием не может считаться характерным только для Некрасова.

Кроме того, включение в текст рецензии пародийных стихов на кн. Вяземского имело прямое отношение к той общественно-политической и литературной борьбе за Гоголя, которую в это время вел Белинский.

Как раз в те дни, когда Белинский работал над рецензией, в «СПб. ведомостях» (№№ 90—91 от 24 и 25 апреля 1847 г.) появилась статья П. А. Вяземского «Языков — Гоголь», на которую ответить в печати прямо Белинский не мог по цензурным причинам, но которую встретил с негодованием, определив ее, в зальцбрунском письме к Гоголю, как «чистый донос» на литературу, а самого автора статьи как «холопа в литературе». Несомненно, что этим фактом и объясняется то, что для пародирования, п о у к а з а н и ю Б е л и н с к о г о, были взяты стихи именно Вяземского, а не Языкова, например.

Не имея возможности отвечать на статью Вяземского прямо, Белинский воспользовался его пустыми и, в сущности, не достойными какого бы то ни было внимания стихами, чтобы высмеять его и ответить хоть в этой форме на реакционную статью о Гоголе, подчеркнуть, что идеалы официальной народности, которые отстаивал Вяземский, не имеют ничего общего с истиной народностью русской литературы.

«Какая неудачная — изысканная и приторная — подделка под народность..., — писал в рецензии Белинский. — Найдется ли здесь хоть стих, в котором отозвалась бы живая народная русская речь?.. Как болезненно-неприятно звучат в ухе эти слова, подслушанные у народа, так мастерски, так свободно владеющего ими, — а здесь так неудачно поставленные, угловато и дико выглядывающие из несвободно-льющегося галантерейно-обточенного, примазанного и прилизанного стиха...»

Отклик на э т и ж е стихи Вяземского мы находим и в «Ответе „Москвитянину“», где Белинский опять высказывает суждение, совершенно аналогичное тому, которое имеется в опубликованной нами рецензии: «Они <славянофилы>... то напечатают повесть, которой никто, кроме их читать не может и не хочет, то стихотворение вроде „Светика-луны“, в народном тоне которого виден барин, неловко костюмировавшийся крестьянином» (XI, 36).

Очевидно, что эта характеристика стихов Вяземского находится в прямой связи с определением деятельности Вяземского как «холопа в литературе», которое дал ему Белинский в письме к Гоголю.

В. Кулешов считает также, что аргументом в пользу авторства Некрасова могут служить строчки из его стихотворения 1855 г. «В больнице»:

Братья писатели! в нашей судьбе,
Что-то лежит роковое...

В. Кулешов рассматривает эти строчки как поэтическую автоцитату или автореминисценцию из текста настоящей рецензии.

И этот аргумент представляется нам несостоятельным. Напомним, что стихотворение написано Некрасовым спустя восемь лет после рецензии. Напомним также, что в 1851 г. Герцен написал свою брошюру «О развитии революционных идей в России», в которой были строки:

«Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром: поэта, гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу.

История нашей литературы или мартиролог, или регистр каторги.

Даже те, которых правительство пощадило, погибают едва распустившись, снеса оставшую жизнь» (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1917, стр. 359).

Таким образом, о «роковой судьбе» русских писателей вслед за Белинским писал и Герцен. Не исключена возможность, что стихотворение Некрасова — это отклик именно на «мартиролог» Герцена.

Этими двумя доводами — включением пародийных стихов на стихи кн. Вяземского и сопоставлением строчек о «роковой судьбе» писателей — ограничиваются все аргументы в пользу авторства Некрасова, которые приводит В. Кулешов.

Сопоставим эти аргументы с теми фактами, которые свидетельствуют, что рецензия написана Белинским.

После появления первого тома «Мертвых душ» Гоголя борьба со славянофилами стала одной из центральных задач Белинского. Он не оставлял без детального критического разбора ни одного из выступлений в печати славянофилов. Поэтому неверно было бы предположить, что выход в свет нового славянофильского сборника не вызвал с его стороны ответной статьи.

Так, когда в 1846 г. Белинский путешествовал по югу России и ему в руки попался вышедший «Московский литературный и ученый сборник на 1846 г.», он тут же сообщил Герцену (4 июля):

«В Харькове я прочел „Московский сборник“: дулю и наяривую об нем. Статья Самарина умна и зла, даже дельна, несмотря на то, что автор отправляется от неблагопристойного принципа кротости и смирения <...> За то Хомяков — я ж его, ракалию! Дам я ему запелить меня, узнает он мои крючки! Ну, уж статья! Вот бесталаный-то... ерник! Потешусь, чувствую, что потешусь» («Письма», III, 137).

Рецензия Белинского на «Московский сборник» 1846 г., очевидно, не была им закончена и не появилась в печати. Поэтому естественно предположить, что он откликнулся развернутой рецензией на «Московский сборник» 1847 г., в которой и выполнил свое обещание «потешиться» над Хомяковым. Кроме того, в программной статье Белинского 1847 г. «Взгляд на русскую литературу в 1846 г.» прозвучали новые ноты в его отзывах о славянофилах. В этой статье Белинский писал, что он считает появление славянофильства важным симптомом для русской жизни, что «так называемое славянофильство касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности», что в той критике, с которой славянофилы обращаются к современному русскому обществу, есть «много дельного».

Однако все это справедливо до известной степени, — писал далее Белинский, — и указывал затем: «... нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины, в надежде в самом зле найти и средство к выходу из него. Этого славянофилы не делали и не сделали» (X, 398).

Белинский как бы призывал славянофилов в принципиальном, лишенном личных выпадов споре выяснить истину:

«Журнал славянофилов объявил „противоположному направлению“ непримиримую вражду. Мы отстаиваем свои убеждения, но мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным — противоборствовать с твердостью и спокойствием, без всякой вражды» (X, 402).

Появившийся в конце марта 1847 г. «Московский сборник» не оправдал надежд Белинского. Статья Хомякова в этом сборнике «О возможности русской художественной школы» была направлена, главным образом, против Белинского и, в частности, против его программной статьи 1847 г. В своей статье Хомяков развивал излюбленные мысли о том, что реформы Петра I направили русское общество по ложному пути, что русское общество утратило народность и пр.

Хомяков отвергал всякую возможность общения русской и западной культуры и образование, которое возникло после реформы Петра I, считал ложным, не признавал его органическим, выросшим из национальных потребностей самой русской жизни. Вернуть утраченную народность русское общество, по мнению Хомякова, может только путем «нравственного совершенствования» представителей общества, которые должны забыть свою культуру и «опуститься до народа».

Для Хомякова, которому «язва духовного пролетариата была ужаснее язвы пролетариата вещественного», проблема взаимоотношений общества и народа не существовала как проблема исторически сложившихся классовых отношений; разрешение ее он отрывал от общественной борьбы и переводил в план морального совершенствования личности. Хомяков в своей статье писал: «Жизнь наша цела и крепка. Она сохранена как неприкосновенный залог тою много страдавшею Русью, которая не приняла еще в себя нашего скудного полупросвещения. Эту жизнь мы можем восстановить в себе: стоит только ее полюбить искреннею любовью, а чтобы любовь была искреннею, она должна быть смиренною» («Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», М., 1847, стр. 345).

Естественно, что для Белинского,¹ который стоял на революционно-демократических позициях и боролся за освобождение народа, исходя из насущных потребностей народной жизни, все эти рассуждения Хомякова были сугубо враждебными.

Этим объясняется тот резкий тон, в котором написана его статья. Статья начинается сожалением о том, что славянофилы, имея добрые побуждения, строят ложные, не соотносящиеся с потребностями действительности теории и что, хоть славянофилы и искренни в своих заблуждениях, но здравомыслящему человеку ничего не остается делать другого с этими теориями, как только смеяться над ними. (Ср. это рассуждение с аналогичными рассуждениями Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 г.» — X, 402 — и в статье, написанной после публикуемой рецензии — «Ответ „Москвитянину“» — XI, 41).

С подобной резкой полемической статьей против славянофилов из сотрудников «Современника» мог выступить только Белинский.

Помимо всех высказанных соображений, об авторстве Белинского свидетельствует также и то, что в настоящей рецензии имеется целый ряд суждений, которые типичны именно для Белинского:

В опубликованной статье мы находим оценку «Истории государства российского» Карамзина, которая полностью совпадает с оценкой ее Белинским в десятой статье о Пушкине.

В опубликованной статье мы находим оценку Ивана Грозного, которая не только совпадает с прежними суждениями Белинского о нем *, но и является д а л ь н е й - ш и м р а з в и т и е м понимания Белинским исторической роли Ивана Грозного. Белинский считал, что «борьба [гения с народом не есть борьба человеческого с национальным, а просто-напросто нового со старым, идеи с эмпиризмом, разума с предрассудками... Противодействие массы гению необходимо: это с ее стороны экзамен гению: если он возьмет свое, ни на что несмотря, значит он точно гений, т. е. в самом себе носит свое право действовать на судьбы своего отечества» (X, 411).

Еще в статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» Белинский, наряду с положительной оценкой «Бедных людей» Достоевского отрицательно отзывался о «Двойнике». В публикуемой статье повторено это противопоставление.

В. Кулешов указывает в своем сообщении, что отрицательное отношение к «Двойнику» Достоевского было свойственно и Некрасову.

Это справедливо, но х а р а к т е р [этого отрицательного отношения к «Двойнику» у Белинского и Некрасова иной.

Так, Некрасов на полях рукописи статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» указывал на длинноты «Двойника», Белинский же в своей рецензии говорит об «искусственности и манерности слога», т. е. повторяет прежние свои суждения. Например, еще в рецензии на «Петербургский сборник» Белинский подчеркивал в стиле «Двойника» ненужные повторения одних и тех же фраз.

Там он писал: «Если что можно счесть в «Двойнике» растянutosью, так это частое и, местами, вовсе ненужное повторение одних и тех же строк, как например: «Дожил я до беды, дожил я вот таким-то образом до беды... Эка беда ведь какая... Эка ведь беда одолела какая!».» (X, 217. Подчерк-

* Об этом см. Н. И. Мордовченко. «Иван Грозный в оценках Белинского». — «Звезда», 1945, № 10—11, стр. 183—191.

нуто Белинским.— *Е. К.*). Ср. это с пародией К. Аксакова на Достоевского, которую Белинский сочувственно цитировал в опубликованной рецензии:

«Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти» и т. д. (см. сб. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 29).

Одним из доводов, который приводит В. Кулешов против принадлежности Белинскому настоящей рецензии, является также то, что Белинский нигде не указывал на то, что он ее автор. (Отметим, кстати, что и Некрасов нигде не претендовал на ее авторство, хотя на принадлежность столь принципиально важной рецензии ему он мог бы указать в своей автобиографии). Это не совсем справедливо. Прямых указаний, действительно нет, но в статье «Ответ „Москвитянину“», написанной после рецензии на «Московский сборник», Белинский почти дословно повторяет то, что им было сказано о противоречиях критики К. Аксакова в опубликованной рецензии (сопоставление см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 30).

Естественно, если бы Белинский повторял чужие слова и мнения, т. е. пользовался уже опубликованным чужим материалом, он это обязательно оговорил бы.

Помимо всех этих фактов, свидетельствующих об авторстве Белинского, мы можем привести еще целый ряд параллелей и сопоставлений настоящей рецензии со статьями Белинского, которые не были учтены при ее публикации.

В настоящей рецензии Белинский возражал против славянофильского стремления Хомякова доказать пагубность воздействия просвещения на народ и против того, что «Хомякову хочется, во что бы то ни стало, общество нагнуть к народу, а не народ поднять до общества». Белинский указывал далее, что «Разрыв общества с народом у нас больше внешний, кажущийся, нежели внутренний, существенный» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 24).

Эти мысли о необходимости просвещения народа, о необходимости «внесения в его жизнь сознательного элемента» и о той роли, которую в этом процессе играло разделение «народной жизни на народ и общество», подробно были развиты Белинским несколько позже, в его рецензии на IV кн. «Сельского чтения». Там мы читаем:

«Народ для них «славянофилов.— *Е. К.*», стало быть, высшее откровение всякой истины, касающейся до сущности и формы нашей государственной жизни. Стоит только делать всем то, что делает народ, не отставать от него ни в чем — и все пойдет хорошо, больше не о чем будет и заботиться».

Само собою разумеется, что всякая попытка на распространение просвещения и образования в народе, в их глазах, есть ни больше, ни меньше, как святотатственное посягательство на здоровье и честь народной жизни... Мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на народ и общество...!

Это разделение народа на классы было необходимо для развития человечества. Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно обуславливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы» (XI, 161—162).

Точно так же мы усматриваем несомненное фразеологическое и смысловое совпадение между рассуждениями Белинского в опубликованной рецензии о двух «сортах бороды» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 28) с суждениями его на этот счет в статье о книге Голикова «Деяния Петра Великого» (XII, 282—283).

Та часть рецензии, где говорится о том, что русский везде русский (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 24) повторяет известные суждения Белинского по этому вопросу в его восьмой статье о Пушкине (ср. XI, 78, 79). В настоящей рецензии Белинский писал о том, что о литераторе следует судить «по его сочинениям» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 23). Эта же мысль повторена и в статье «Ответ „Москвитянину“».

В опубликованной рецензии Белинский писал, что «по части глубокомыслия, соединенного еще с остроумием, русский фельетон может равняться только с русским водевилем» (см. «Белинский», ЛГУ, 1949, стр. 15).

Это же суждение повторено Белинским позже в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»:

«Фельетонисты наши очень не взлюбили слово «прогресс» и преследуют его с тем остроумием, которого неоспоримую и блестящую славу они делят только с нашими же водевилистами» (XI, 76).

Таким образом, идейное содержание рецензии, то, что в ней не просто повторены мысли Белинского, а дается их дальнейшее развитие, то, что в ней как бы перекидывается мостик от статей, написанных ранее, к статьям и письмам последующего периода и, в частности, к таким принципиально важным, как «Письмо к Гоголю», «Ответ „Москвитянину“», «Сельское чтение», наконец, многочисленные фразеологические параллели и сопоставления со статьями Белинского — все это заставляет нас еще раз повторить свое утверждение, что опубликованная рецензия могла быть написана только Белинским.

Е. К н и к о

VI

«БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. В XI КНИГАХ. С БИОГРАФИЕЙ, ПИСАННЮЮ П. А. ПЛЕТНЕВЫМ, ИЗД. ВТОРОЕ»

(«Современник», 1847, кн. 12)

1

В. Кулешов в своем сообщении «Мнимые рецензии Белинского в „Современнике“», напечатанном в 55-м томе «Литературного наследства», приводит данные, свидетельствующие, что сводная рецензия на книги: «Полное собрание сочинений И. Крылова. С биографией его, писанною П. А. Плетневым» и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 124—134), которая прежде включалась в собрание сочинений Белинского, в действительности ему не принадлежит и написана А. В. Никитенко. Факты, сообщаемые В. Кулешовым, убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает.

Далее В. Кулешов пишет: «Но если рецензия принадлежит Никитенко, — а мы это считаем доказанным, — то под удар попадает и другая, приписываемая Белинскому анонимная рецензия, напечатанная в № 12 „Современника“ за 1847 г. (отд. III, стр. 233—234): „Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе“. Эту рецензию приписал критику В. С. Спиридонов, включив ее с соответствующей аргументацией в свою публикацию „Неизвестные статьи и рецензии Белинского“ в № 7 „Красной нови“ за 1936 г.* Но вся аргументация В. С. Спиридонова строится на сопоставлении и сходстве изученного им текста с предыдущей рецензией. Очевидно, что теперь мы должны переключить всю эту аргументацию на Никитенко. И действительно, рецензия эта, так же как и предыдущая, принадлежит ему» («Лит. наследство», т. 55, стр. 408). Однако проверка всех данных показала, что заключение В. Кулешова, который повторил при сопоставлении текста этих двух рецензий аргументацию В. С. Спиридонова, лишено какого бы то ни было основания. Связь этих двух рецензий В. С. Спиридонов доказывает следующим образом:

«Настоящую рецензию автор начал так: „О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры“. И в рецензии Белинского <которая действительно написана А. Никитенко. — Е. К.> о „Полном собрании сочинений И. Крылова“, напечатанной за десять месяцев перед тем, было сказано: „Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь

* Рецензия эта вошла также в XIII том Полн. собр. соч. Белинского, под ред. и с прим. В. С. Спиридонова, Л., 1948. — Р е д.

несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же" (т. X, стр. 462).

Автор настоящей рецензии говорит: „В начале нынешнего года они <Юнгмейстер и Веймар> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова“, составленную „искусно и умно“, опять Плетневым. И Белинский в своей рецензии писал: „Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова“, мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек“ (т. X, стр. 456—457)» (XIII, 470).

Нам кажется, что этих сопоставлений совершенно недостаточно, чтобы приписывать обе рецензии одному автору.

Изучение текста обеих рецензий свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего и что вторую рецензию на «Басни Крылова» из 12 № мог написать только Белинский. Приведем аргументы в пользу нашего утверждения.

1. В рецензии, написанной Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному. Белинский начинает свою рецензию с того, что определяет историческое место басен Крылова, называя его характерным для Белинского термином: «художник-баснописец». Имея в виду кн. П. А. Вяземского, Белинский писал: «Было время, когда некоторые, из партии знаменитых друзей, силились доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова; чуть ли не по этому случаю Иван Андреевич написал свою превосходную басню „Прихожанин“*. Но это время, слава богу, уже далеко от нас; сами знаменитые, давно уже уволенные общественным мнением в чистую отставку из знаменитых, вероятно, неохотно вспоминают о своих забавных усилиях талантливого беллетриста-баснописца поставить выше великого художника-баснописца» (XIII, 229).

В рецензии Никитенко подобного определения нет и не могло быть, поскольку речь шла о Вяземском.

2. Никитенко никогда не употреблял термин «натуральность» для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он считал, что «естественность художественная имеет свои ограничения» («Современник», № 1, отд. II, стр. 68). В рецензии Белинского читаем: «Даже люди, в старину находившие важным недостатком в баснях Крылова излишнюю натуральность (напр. в басне „Свинья“) и не прощающие натуральности новым писателям, — насчет натурализма Крылова хранят теперь благоразумное молчание» (XIII, 229). Известно, что именно Белинский в числе предшественников натуральной школы вслед за Кантемиром называл Крылова.

3. Белинский всегда особенно отмечал дешевизну книг. В настоящей рецензии этому вопросу посвящен целый абзац, причем обращается особое внимание на то, смогут ли купить это издание «небогатые люди». В рецензии Никитенко подобного рассуждения нет.

4. Рецензия на «Басни Крылова» в 12 № «Современника» была напечатана перед рецензией на «Сочинения Фонвизина», которая начиналась следующим образом:

«Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений. Но, кажется, из старых писателей Фонвизин в этом отношении ближе всех других к Крылову» (XI, 56).

Смысловая связь этих двух рецензий очевидна и была отмечена еще В. С. Спиридоновым в его публикации, но В. Кулешов оставляет этот аргумент в стороне.

* Под некоторыми из партии «знаменитых друзей» подразумевался П. А. Вяземский, который стремился доказать превосходство басен Дмитриева над баснями Крылова в своем стихотворении «И. И. Дмитриеву» (в день его именин) («Сын отечества», 1821, № 48, стр. 82) и в статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», которая являлась предисловием к изданию его стихотворений в 1823 г.

В. С. Спиридонов пишет: «В журнале вслед за устанавливаемой рецензией помещена рецензия Белинского о „Сочинениях Фонвизина“, начало которой является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471). Следует добавить, что рецензия на второе издание Сочинений Фонвизина, на которую ссылается В. С. Спиридонов, была кратким изложением рецензии Белинского на первое издание сочинений Фонвизина, напечатанной в 1 № «Современника» за 1847 г., рукопись которой была известна, когда печаталось первое собрание сочинений Белинского (см. XIII, 355, прим. 716). Следовательно, сомнений в том, что обе рецензии о сочинениях Фонвизина написаны Белинским, быть не может; а раз так, то очевидно, что и рецензия на «Басни Крылова», которая связана композиционно с одной из этих рецензий, также принадлежит Белинскому.

Таким образом, как свидетельствуют факты, рецензия на книгу «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе» принадлежит действительно Белинскому, и приписывать ее Никитенко нет никаких оснований.

Е. К и й к о

2

Мы остаемся при своем прежнем мнении, что рецензия на «Басни И. А. Крылова» в «Современнике», 1847, № 12 написана не Белинским, а Никитенко.

Е. Кийко считает доказанным, что сводная рецензия на два издания о Крылове, напечатанная в «Современнике», 1847, № 2, принадлежит, действительно, Никитенко, а не Белинскому, как считалось до сих пор. «Факты, сообщаемые В. Кулешовым, — пишет Е. Кийко, — убедительны, и сомнений в том, что настоящая рецензия должна быть изъята из собрания сочинений Белинского, не возникает».

Однако, признавая это, Е. Кийко совершенно отрицает сходство этой рецензии с новой рецензией в «Современнике», 1847, № 12, открытой В. С. Спиридоновым. «Изучение текста обеих рецензий, — пишет Е. Кийко, — свидетельствует о том, что они не имеют между собой ничего общего».

Но так ли это на самом деле?

Повторим еще раз параллели, установленные В. С. Спиридоновым.

В сводной рецензии Никитенко сказано: «Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь несогласные между собою в суждениях о русских писателях, о Крылове говорят все одно и то же» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133).

Разве не то же самое и не в тех же выражениях говорится о баснях Крылова во второй, спорной, рецензии: «О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом... Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («Современник», 1847, № 12, отд. III, стр. 233).

Или обратим внимание, в каких выражениях Никитенко в сводной рецензии хвалит Плетнева, автора биографии Крылова: «Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи: „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова“, мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек, — в последнем отношении еще, может быть, лучше, нежели в первом. Взгляд автора статьи на Крылова отличается оригинальностью и глубокостью мысли» (там же, № 2, стр. 126. Разрядка наша. — В. К.).

В спорной рецензии повторяется в тех же выражениях прежний отзыв о статье Плетнева и затем дается точно такая же высокая оценка новой статьи Плетнева о Крылове: «В начале нынешнего года они <т. е. Юнгмейстер и Веймар> издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова, написанную опять г. Плетневым. Это отчасти извлечение из первой

биографии, отчасти совершенная ее переделка... Биография эта составлена им искусно и умно» (там же, № 12, стр. 233—234. Разрядка наша.— В. К.).

Эти сопоставления, на наш взгляд, достаточно убедительны.

Между рецензиями имеется не только стилистическое сходство, но и внутренняя преемственность. На страницах одного и того же журнала, в пределах одного года, дважды говорится об изданиях Крылова, снабженных в том и в другом случае биографиями баснописца, составленными Плетневым. Автор второй рецензии держит в поле своего зрения оба издания и одинаково положительно и в тех же выражениях отзывается о статьях Плетнева, подмечая опытным глазом, что вторая биография является «отчасти извлечением из первой биографии, отчасти совершенной ее переделкой».

Не естественно ли заключить отсюда, что автором обеих рецензий является одно лицо — именно Никитенко, «официальный» редактор «Современника», принадлежность которому первой рецензии считает доказанной и Е. Кийко.

Е. Кийко в своих замечаниях заявляет, что во второй рецензии встречаются высказывания, которых нет в первой и которые могут принадлежать только Белинскому. Но можно указать и в первой рецензии такие места, которых нет во второй. И вообще, как можно серьезно становиться на путь подобных сравнений, если рецензии несоизмеримы по своему объему (первая в восемь раз больше второй)?

Обратимся к высказываниям, которые мог сделать, по мнению Е. Кийко, только Белинский. Например: «натуральность» в положительном смысле или «художник-баснописец», «беллетрист-баснописец». Нам кажется, что сама категоричность подобных утверждений Е. Кийко не вполне оправдана. Если бы мы по терминологии могли безошибочно определять авторство Белинского, то вопрос об атрибуции текстов решался бы очень просто. Ведь и первую рецензию, начиная с 1860-х годов, приписывали Белинскому, хотя она принадлежит Никитенко. Известно также, как плохо и статьи молодого Некрасова на статьи Белинского. Влияние Белинского на современную ему критику было столь огромным, что «под Белинского» писали многие.

Е. Кийко говорит: «В рецензии, написанной А. Никитенко, ничего не сказано о том, что творчество Крылова когда-то оценивалось различными литературными партиями по-разному». А Белинский-де как раз пишет об этом в приписываемой ему рецензии и даже делает выпад против Вяземского.

Что же из этого следует? В первой рецензии говорится о полном собрании сочинений Крылова и лишь мимоходом о баснях, как о вопросе, решенном и публикой и критикой. А во второй рецензии с п е ц и а л ь н о о баснях, и то автор не входит в подробности, также ссылаясь на то, что вопрос этот всеми решен положительно. Различные оценки (собственно речь идет только о статье Вяземского 1823 г. <1>, в которой он поставил Дмитриева выше Крылова) критики вызывало как раз не все творчество Крылова, а лишь его басни. Поэтому естественно некоторое углубление этого вопроса во второй рецензии. Самое важное то, что в обеих рецензиях одинаковый вывод. В первой: «Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце». Во второй: «Вопрос о Крылове теперь всеми решен единодушно и одинаково, и по его поводу невозможны споры» («споры», поистине, были четверть века назад). Почему Е. Кийко полагает, что Никитенко не мог в анонимной рецензии слегка «пощипать» Вяземского? Не будучи полемистом, он, однако, остро начинает свою первую рецензию, заявляя, что издание сочинений Крылова изобличает «крикунов и полуталантливых рифмачей, которые утверждают, будто теперь на Руси журнал убил книгу, и книги уже не покупаются публикою». Ведь это совершенно мысль Белинского, не раз высмеивавшего подобные мнения. Посмотрим, как определяет Никитенко общий характер басен Крылова: «Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею, но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета» («Современник», 1847, № 2, отд. III, стр. 133). И хотя Никитенко здесь не договорил, что не всем нравились «жгучая сатира» и «памфлеты» Крылова, видно, что понимал он этот вопрос правильно, можно сказать, совсем «по Белинскому». Не стоит спорить о словах. По существу вопроса между первой и второй рецензиями нет расхождений.

Е. Кийко пишет: «Никитенко никогда не употреблял термин „натуральность“ для определения положительных сторон современной литературы. Наоборот, он счи-

тал, что „...естественность художественная имеет свои ограничения“ («Современник», 1847, № 1, отд. II, стр. 68). Опять спор о словах. Известно, что Никитенко участвовал своими статьями во всех начинаниях «натуральной школы» («Физиология Петербурга», «Петербургский сборник», «Современник»). Он в свое время написал одобрительную рецензию на «Физиологию Петербурга» («Библиотека для чтения», 1846, т. LXXV, отд. V, стр. 13—54). В «Ответе „Москвитянину“» Белинский считал нужным «вступить» за Никитенко против Ю. Самарина. Наконец, что значит выражение «естественность художественная имеет свои ограничения»? Разве это намек на теорию «чистого искусства»? Ничуть не бывало. Никитенко выступает здесь против плоского копирования, за создание художественных типов. Приведем цитату полностью: «Итак, естественность художественная имеет свои ограничения. Они, однакож, не состоят ни в исключении из сферы искусства известного рода предметов, ни в умышленной их порче для видов так называемого приличия. Классификации предметов, подлежащих или не подлежащих художественной обработке, нет...» Или: «Известно, что одно из важнейших требований искусства есть подлинность, естественность созданий, какие творческая фантазия вносит в его мир» (стр. 66. Разрядка наша — В. К.). Разве здесь не сказано по существу то же самое, что выражает слово «натуральность»? Е. Кийко, так же как и В. С. Спиридонов, считает веским аргументом то обстоятельство, что в «Современнике» 1847, № 12, вслед за спорной рецензией о Крылове, помещена маленькая рецензия Белинского на «Сочинения Фонвизина», начало которой «...является как бы продолжением настоящей рецензии» (XIII, 470—471).

Рецензия на «Сочинения Фонвизина» начинается словами: «Конечно, ни один из русских писателей, старых и новых, не может равняться с Крыловым в числе изданий своих сочинений» (отд. III, стр. 234). Неужели эта простая композиционная увязка с предыдущей рецензией свидетельствует, что и ту и другую рецензию писало одно лицо, в данном случае Белинский? Белинский знал, конечно, что рядом с его рецензией идет однотипная рецензия Никитенко и мог связать с ней свою рецензию переходной фразой. Не только такие переходные фразы, «связки», совершенно естественные при общей редакции отдела в журнале, заботившемся о «единстве направления», но и прямые отсылки к предыдущей статье не являясь еще свидетельством, что и статья и отсылочную заметку (или статью, в которой имеется отсылка) писало одно лицо. Все эти формулы «мы писали», «мы говорили», часто встречающиеся в журналах, выражают не всегда персональное чье-либо мнение, но часто мнение редакции в целом. В «Современнике» и после смерти Белинского еще встречаются отсылки к его статьям с формулировкой: «Мы уже имели случай говорить...» (см. «Советская книга», 1949, № 3, стр. 101—102). Что касается довода будто только Белинский обращал внимание на дешевизну изданий, то мы могли бы привести десятки примеров, как на то же самое обращали внимание многие другие критики и рецензенты. Этот «довод» по меньшей мере несерьезен.

Теперь перейдем к самому важному, на наш взгляд, аргументу, который решительно заставляет приписать спорную рецензию именно Никитенко.

Е. Кийко проходит мимо того факта, что для Белинского были бы не только странными, но даже противоестественными похвалы Плетневу, которые расточаются в обеих рецензиях. Плетнев был идейным противником Белинского. В его переписке с Гротом встречаются злобные выпады против Белинского. И Белинский, конечно, никогда не заблуждался на этот счет. Кто такой Плетнев для Белинского?—Представитель «аристократической» партии, содравший с Некрасова втридорога за «Современник». Белинскому ли восхищаться «искусностью», «умом» и «глубокомыслием» писаний Плетнева!

Совершенно другое отношение к Плетневу было у Никитенко. Плетнев — ректор Петербургского университета. Никитенко — профессор этого же университета, лицо, подчиненное Плетневу, и частый гость в его доме. Воззрения «либерального» цензора не слишком противоречили воззрениям Плетнева. Во всяком случае он иногда даже жаловался ему на своих новых «друзей» по «Современнику» — Белинского и Некрасова,

Мы теперь знаем, из письма Плетнева к Гроту от 22 февраля 1847 г., что рецензия с похвалами Плетневу в № 2 «Современника» принадлежит Никитенко. А вот что сообщается дальше в том же письме: «Б е л и н с к и й и Некрасов так были этим раздосадованы... что чуть не разошлась эта компания по углам. По крайней мере так это передал мне Н<икитенк>о» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», СПб., 1886, т. III, стр. 20. Разрядка наша. — В. К.).

Итак, Белинский был п р о т и в похвал Плетневу в указанной рецензии Никитенко. В таком случае как же он мог, если бы вторая рецензия, действительно, принадлежала ему, п о в т о р и т ь в ней все прежние похвалы Никитенко Плетневу да еще прибавить от себя комплименты по поводу новой статьи Плетнева? Не свидетельствует ли это с полной очевидностью, что и вторая рецензия, появившаяся в двенадцатой книжке 1847 г., написана не Белинским, а Никитенко? Мы считаем, что это именно так.

В. Ку л е ш о в

VII

«БЛАГОВОСПИТАННОЕ ДИТЯ, ИЛИ КАК ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ. СОЧ. ЖОЗЕФИНЫ ЛЕБАССЮ»

(«Современник», 1848, кн. 2)

1

В наиболее полных собраниях сочинений Белинского — изд. Солдатенкова и Щепкина (т. XI) и под редакцией Венгерово (т. XI) помещены рецензии: «Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести. Соч. Жозефины Лебассю». Принадлежность ее Белинскому до сих пор ни у кого не вызывала сомнений. Однако обратим внимание на характерное указание автора в самом начале этой рецензии, которое приводит в конечном счете к сомнению: «„Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести“, — пишет автор, — удивительная, несравненная книжка и к тому же еще с т а р а я н а ш а з н а к о м а я! Она была издана впервые, если не ошибаемся, д е с я т ь л е т н а з а д тому, и тогда мы радостно п р и в е т с т в о в а л и ее в одном, уже теперь, увы! н е с у щ е с т в у ю щ е м журнале».

Цитируемая рецензия напечатана впервые в «Современнике», 1848, № 2, отд. III, стр. 137—141, без подписи.

Столь категорическое сообщение автора о том, что он лет десять назад высказывался о книжке Лебассю в одном из журналов, заставило нас поискать эту «новую» рецензию. Известно, что Белинский участвовал в следующих изданиях: «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», «Отечественные записки» и «Современник».

Книжка Лебассю первым изданием вышла в 1838 г. (дата цензурного разрешения 5 октября 1838 г.) с несколько иным названием «Благовоспитанное дитя, или как должно жить в свете». Следовательно, «Телескоп» и «Молва» сразу отпадают: они были закрыты еще в 1836 г. «Отечественные записки» и «Современник» также отпадают, потому что Белинский говорит о теперь уже «несуществующем журнале», а в 1848 г. оба эти журнала существовали.

Искать рецензию нужно было в «Московском наблюдателе» и «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Оба издания прекратили свое существование в 1839 г., т. е. как раз около десяти лет назад. («Литерат. прибавл.» были с 1840 г. преобразованы в «Литературную газету», просуществовавшую до 1849 г.) Внимательнейший просмотр «Московского наблюдателя», начиная с октября 1838 г. и за весь 1839 г., ничего не дал. В нем не нашлось даже простого упоминания о книжке Лебассю. Но зато в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» удалось обнаружить маленькую анонимную рецензию на интересующую нас книжку. Она напечатана в № 4 от 28 января 1839 г.

Очень возможно, что это тот самый отзыв, о котором упоминается в рецензии 1848 г., приписываемой Белинскому. Вновь «открытая» рецензия заставляет, однако, сомневаться в том, что она написана Белинским. В самом деле, рецензия появилась 28 января 1839 г. в петербургском издании «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». Белинский, живя в Москве в это время, конечно, мог ее написать. У него для этого было время с октября по январь. Но вот вопрос. Известно, что в «Литературных прибавлениях» по договору с их издателем Белинский начал сотрудничать с лета 1839 г. и в особенности с осени этого года, когда он переехал в Петербург. Все время с 1838 по осень 1839 г. Белинский всецело был поглощен делами туго расходившегося журнала «Московский наблюдатель».

Невозможно, чтобы Белинскому, тогда уже широко известному критику, была поручена рецензия (даже не рецензия, а маленькая заметка) на такую третьестепенную книжку, как «Благовоспитанное дитя» Лебассю. Это ли дебют Белинского в петербургском издании? Рецензия эта стоит особняком. Ее отделяет полгода от первых известных нам выступлений Белинского в «Литературных прибавлениях». Получается, что она — е д и н с т в е н н а я за все первое полугодие 1839 г. в этом издании.

Все изложенное заставляет сильно сомневаться в том, что и рецензия 1848 г. на второе издание книжки Лебассю, связанная с первой рецензией, принадлежит Белинскому.

Полагаем, что они обе принадлежат А. Никитенко. Он был цензором книжки Лебассю при ее первом издании. Имя его значится под датой цензурного разрешения, и, всего вероятнее, он был и анонимным ее рецензентом в обоих изданиях 1838 и 1847 гг.

В. Ку л е ш о в

2

В. Кулешов в своем сообщении высказывает сомнение в принадлежности Белинскому рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя, или как должно себя вести», соч. Ж. Лебассю (XI т.) и предполагает, что она могла быть написана А. Никитенко.

Доводы В. Кулешова представляются нам совершенно не убедительными на основании следующих соображений:

1. Рецензия на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...» написана основным сотрудником «Современника», о чем свидетельствует сводная рецензия на две других детских книжки: «Подарок детям на праздник» и «Первоначальный учитель», напечатанная в следующем номере журнала после того, в котором появилась рецензия на «Благовоспитанное дитя...».

Автор этой рецензии писал:

«В прошлой книжке ж у р н а л а н а ш е г о мы заметили по поводу второго издания „Благовоспитанного дитяти“, что наша детская литература не делает ни шагу вперед.

П о д т в е р ж д е н и е м с л о в н а ш и х могут служить еще две детские книжки, заглавия которых мы выписали выше» («Современник», 1848, № 3, отд. III, стр. 105. Разрядка моя. — Е. К.).

Подчеркнутые слова свидетельствуют, что автор этих двух рецензий было одно и то же лицо и что этот автор был основным сотрудником «Современника».

Основными сотрудниками критического отдела были: Белинский, Кавелин, Некрасов, Панаев, Никитенко.

Кавелин, Некрасов и Панаев не могли быть авторами рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...», так как они не писали рецензий на детские книги, и, кроме того, автор этой рецензии говорит о том, что еще в 1836—1837 гг. он был уже литературным критиком, что не может быть отнесено ни к Кавелину, ни к Панаеву, ни к Некрасову. Однако автором ее не мог быть и Никитенко, как предполагает В. Кулешов, так как по своему идейному содержанию рецензия противоречила взглядам

Никитенко на детскую литературу. В рецензии говорится: «Умеренность и аккуратность... В этих двух словах заключается вся нравственная цель этой милой книжечки, которая, кажется, хлопочет о том, чтобы расплодить на Руси род Молчалиных... Прекрасная, похвальная цель! ...Но для воспитания детей в этом духе недостаточно одной этой милой книжечки. Всем известно, до какой степени сильно влияние матери на воспитание детей, и потому один наш знакомый намерен издать в не-продолжительном времени в pendant к благовоспитанному дитяти книжечку под заглавием: *Благовоспитанная жена и мать*... Мы прочли эту превосходную книжечку и, не боясь оскорбить скромности автора, сообщим из нее нашим читателям один отрывок, который понравился нам в особенности:

„Благовоспитанная жена обязана во всем беспрекословно повиноваться воле своего мужа, или, лучше, вовсе не иметь собственной воли, собственного образа мыслей, собственного взгляда, а смотреть на все глазами своего мужа“ (XI, 171—172).

О том, что у Никитенко был противоположный взгляд на воспитание, свидетельствует о недоразумении, которое возникло между Никитенко и редакцией «Современника» в начале 1847 г., когда Никитенко взял под свою защиту А. О. Ишимову, издательницу детского журнала «Звездочка», и написал об этом издании положительную рецензию, вопреки желанию остальных сотрудников «Современника», т. е. вопреки желанию Белинского и Некрасова. (Об этом подробнее см. «Лит. наследство», т. 55. В. Кулешов. «Мнимые рецензии Белинского в „Современнике“», стр. 407—408.)

Детский журнал Ишимовой «Звездочка» отличался умеренностью и аккуратностью, т. е. воспитывал «благовоспитанное, благонамеренное дитя». Автор же рецензии на «Благовоспитанное дитя...» выступает именно против такого воспитания.

Итак, идейное содержание этой рецензии свидетельствует о том, что она не могла быть написана Никитенко. Тогда остается единственный возможный автор из всех сотрудников «Современника» — Белинский.

2. В рецензии на книгу «Благовоспитанное дитя» мы читаем: «... сколько событий совершилось в продолжении этих десяти лет ... сколько замечательных событий ... Чудное, право, это время, в которое живем мы. Наши деды и прадеды во 100 лет не переживали того, что мы переживаем теперь в 10 лет. Для того, чтоб убедиться в этом, пробежите мысленно хоть историю открытий в науке в последние 10 лет... Даже и литература... и русская литература сделала исполинские шаги в последние 10 лет» (XI, 169).

Эта мысль неоднократно развивалась в последние годы Белинским. Ср., например: «Но как бы мы ни были нетерпеливы, и как бы ни казалось нам все медленно идущим, а ведь оно идет страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется нам уже в мифической перспективе, не стариною, а почти древностью. Помните ли вы то время, когда я, не зная истории, посвящал вас в тайны этой науки? Сравните-ка то, что мы тогда с вами толковали, с тем, о чем мы теперь толкуем. И придется воскликнуть: свежо предание, а верится с трудом!» (письмо к Кавелину от 22 ноября 1847 г. — «Письма», III, 300). Или в другом месте: «Альманажные обозрения, о которых мы сейчас говорили, имеют теперь для нас весь интерес старины, несмотря на то, что начались всего 24 года назад тому! Так быстро идет вперед наша литература!» (XI, 79).

3. Нет никаких оснований утверждать, что автором рецензий на первое издание книги Лебасёй «Благовоспитанное дитя...», напечатанной в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», и на ее второе издание, напечатанной в «Современнике», было одно и то же лицо.

Кто бы ни был автором рецензии на эту книгу в «Современнике», у него не было никакого повода с таким сожалением вспоминать о «Литературных прибавлениях...»: «уже теперь, увы! несуществующий журнал!!!»

Кроме того, «Литературные прибавления...» — г а з е т а, а не журнал, автор же рецензии определенно говорит о «несуществующем ж у р н а л е».

Таким образом, остается предположить, что автор этой рецензии имел в виду журнал «Московский наблюдатель», который прекратил свое существование в 1839 г.

Из сотрудников «Современника» с таким сожалением вспоминать о «Московском наблюдателе» мог только Белинский, который был его вдохновителем, редактором и почти единственным сотрудником критического отдела.

Однако при просмотре «Московского наблюдателя» обнаружено, что рецензии на первое издание книги Ж. Лебасю в журнале нет.

Отсутствие рецензии на книгу «Благовоспитанное дитя...» в «Московском наблюдателе», очевидно, следует объяснить следующим образом:

«Московский наблюдатель» выходил под редакцией Белинского в 1838 г., начиная с марта по август включительно, и в 1839 г. с января по апрель.

Первое издание книги «Благовоспитанное дитя...» вышло в октябре 1838 г. (цензурное разрешение 5 октября), т. е. в те месяцы, когда соответствующие номера журнала из-за редакционных неполадок так и не были выпущены. Очевидно, Белинский написал рецензию на эту книгу, но она или была затеряна в редакции, или не была напечатана в 1839 г. (когда снова стал выходить журнал) как рецензия, потерявшая свою актуальность.

Выше было отмечено, что автором рецензии на второе издание книги «Благовоспитанное дитя...» и сводной рецензии на две других детских книжки: «Подарок детям...» и «Первоначальный учитель» в следующем номере «Современника» было одно и то же лицо. В рецензии же на книгу «Подарок детям...» содержится указание на то, что автором ее был именно Белинский.

Автор этой рецензии писал:

«Детские книжки наводят нас всегда на печальные размышления о нашем воспитании. Надобно сознаться, что у нас еще до сих пор не одни составители и издатели этих книжек, но многие родители и наставники (люди впрочем очень почтенные и умные) имеют немного странные понятия о воспитании.

Не угодно ли, например, познакомиться с их идеалом х о р о ш о в о с п и т а н н о г о , м и л о г о д и т я т и ? Этот идеал очень удачно очерчен г. Тургеневым в его рассказе: „Татьяна Борисовна и ее племянник“.

Признаемся, у нас никогда не лежало сердце к этим Андрюшам, к этим благовоспитанным детям, за которыми не водится никаких шалостей, которые ластиво смотрят вам в глаза, рисуются перед вами и кокетничают своим благонравием... Но еще более не лежит у нас сердце к детским книжечкам, которые хлопочут, сознательно или в простоте души, о размножении Андрюшей — к книжечкам, в которых правила лицемерия и лести, обсахаренные самою приторною моралью, выдаются за чистейшую нравственность.

„Подарок детям на праздник с 8-ю (очень плохими) картинками“ принадлежит к такого рода книжечкам. Для неизвестного автора „Подарка детям...“ Андрюша г. Тургенева — тип благовоспитанного и милого дитяти, — только у него Андрюша называется Лукашей».

Этот резкий неодобрительный отзыв об Андрюше из рассказа Тургенева «Татьяна Борисовна и ее племянник» полностью совпадает с тем, что писал об этом же рассказе Белинский П. В. Анненкову 15 февраля 1848 г., т. е. примерно в одно время с рецензией на книгу «Подарок детям...» (Рецензия на эту книгу напечатана в «Современнике» 1848, № 3, ценз. разр. 29 февраля).

«Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны, недурная старая девица; но племянник мне крайне не понравился, как список с Андрюши и Кириуши, на них непохожий. Да воздержите этого милого младенца от звукоподражательной поэзии...» («Письма», III, 337).

Таким образом, на основании всего сказанного мы считаем, { во-первых, что нет никаких оснований сомневаться в принадлежности Белинскому рецензии на 2-е издание книги Ж. Лебасю «Благовоспитанное дитя...»; во-вторых, что сводная рецензия на книгу «Подарок детям...» и «Первоначальный учитель» также написана Белинским и должна быть включена в собрание его сочинений.

Е. Кийко

VIII

МНИМЫЕ СТАТЬИ МОЛОДОГО БЕЛИНСКОГО

(«Молва», 1834, №№ 19, 24 и 27)

1

Как литературный критик и журналист Белинский формировался в 1833—1834 гг. в редакции «Телескопа» и «Молвы».

Полтора года Надеждин держал Белинского на черной работе поставщика переводного материала — рассказов, статей и заметок из «*Revue étrangère*», «*Revue de Paris*», «*Courier du beau monde*», «*Miroir*». Никакого выхода в критику и публицистику из этого тупика, как будто бы, не намечалось. Не случайно и поиски исследователей направлены были в течение многих лет на обнаружение звена, связующего Белинского — журнального чернорабочего и Белинского — автора «Литературных мечтаний».

Рукописи Белинского эпохи 1833—1834 гг. не сохранились. Работа биографов и текстологов была переключена поэтому на материал, сосредоточенный в журналах Надеждина.

Пионером в области разысканий неизвестных публикаций Белинского среди анонимных статей и замесок «Телескопа» и «Молвы» явился С. А. Венгеров, в издании которого впервые перепечатан был целый ряд ранних оригинальных и переводных произведений великого критика (I, 156—307)*. Но наряду с вещами, бесспорно принадлежавшими Белинскому, в первый том нового полного собрания его сочинений, выпущенный С. А. Венгеровым в 1900 г., попали произведения, включение которых в литературное наследство Белинского приходится признать явно ошибочным. Беда была бы не так велика, если бы речь шла о публикациях, ничего существенного, принципиально нового, в литературный формуляр критика не вносящих. Но поскольку некоторые из этих «открытий» оказались опорными пунктами для новых ошибок, поскольку их материал стал заполнять белые пятна биографии Белинского, постольку и пересмотр всех оснований включения в корпус сочинений Белинского тех или иных анонимных произведений из «Телескопа» и «Молвы» должен стать одной из первоочередных задач исследователя начальных этапов работы великого критика.

2

Как статьи, предшествующие «Литературным мечтаниям», С. А. Венгеров включил в полное собрание сочинений Белинского полемическую заметку «Литературная новость» и две рецензии — на роман Н. Лутковского «Любовь моего соседа» и на рассказ «Дедушкины посиделки».

Если принять эту гипотезу, Белинский как критик и публицист дебютировал заметкой «Литературная новость» в «Молве» от 15 июня 1834 г. (№ 24, стр. 366—370).

Ни с какой стороны эта статья, однако, не похожа ни на литературный дебют вообще, ни на первый критический опыт Белинского в частности. Более чем странно для начинающего автора, для человека не искушенного в журнальной борьбе, был бы самый повод, вызвавший «Литературную новость» к жизни. Это отклик на роман

* В письме Белинского к брату Константину от 21 мая 1833 г. сохранилось упоминание о принадлежности Белинскому еще одного перевода, а именно статьи «Английские нравы. Граф и Альдерман» («Телескоп», 1833, № 14. Ср. «Письма», I, 52). На том основании, что этот перевод снабжен ссылкой на «New Montly Magazine», а «по-английски Белинский не знал», С. А. Венгеров неправильно отверг, как это установлено М. П. Алексеевым («Белинский и Диккенс» — «Венок Белинскому». М., 1924, стр. 170), авторство Белинского. Однако ссылку на английский первоисточник в данном случае надо понимать, конечно, как обозначение источника не Белинского, а того французского издания, из которого Белинский эту статью извлек. Английский материал в русских журналах 1820—30-х гг. обычно восходил не к первоисточнику, а к французским переводам.

Н. И. Греча «Черная женщина», но отклик, вызванный не самым романом, которого автор заметки еще не прочел, ибо книжка Греча не успела дойти до Москвы, а яростная атака на информацию о «Черной женщине» в «Северной пчеле», протест против рекламного характера этой информации в статье самого Греча и в первой рецензии на роман, написанной «В. В. В.» (В. М. Строевым).

То обстоятельство, что В. М. Строев, недавний сотрудник журналов Надеждина, столь резко обнаруживал в «Северной пчеле» свою близость к Н. И. Гречу и его окружению, в какой-то мере оправдывало интерес лишь самого редактора «Молвы» к этому малозначительному литературно-бытовому эпизоду. Заметка «Литературная новость» явно указывала на принадлежность ее автора к аппарату журналов Надеждина, изобличая в нем давнего антагониста «Северной пчелы», исконного врага Н. И. Греча, хорошо осведомленного в журнальных отношениях профессионала. Это позиции, конечно, самого Надеждина, а никак не Белинского той поры.

Заметка «Литературная новость» претенциозна и мелочна, ее пафос фальшив, юмор грубоват и натянут, в ней нет и следа той высокой идейности, того лиризма, свежести и непосредственности, которые так характерны для молодого Белинского. Фразеологии Белинского органически чужды такие красоты семинарской элоквиенции, как: роман г. Греча «совершил, наконец, торжественное вшествие в печальную юдоль книжного света» или наивное щегольство цитатной латынью (эпиграф «*Amicitia cara et valde rara*; неожиданная ссылка на девиз голландского червонца: «*Concordia res parvae crescunt*»). Это — стиль самого Надеждина, хорошо всем памятный стиль полемических статей Никодима Надоумко в «Вестнике Европы» и в «Телескопе» 1829—1831 гг.

Мы попытались не только мотивировать свои сомнения в принадлежности Белинскому полемической заметки «Литературная новость», но и определить ее настоящего автора.

Какова же была, однако, аргументация С. А. Венгерова, перепечатавшего эту статью в полном собрании сочинений Белинского? Как это ни покажется сейчас странным, но большой аргументации С. А. Венгеров и не разворачивал. С присущей ему эмоциональностью он в своих примечаниях даже откровенно признал, что «тон статейки мало напоминает манеру Белинского», а как единственный и якобы решающий довод в пользу авторства последнего привел подпись, которой была скреплена «Литературная новость» в «Молве», — «—нский» (I, 250).

Эта справка могла быть рассчитана, однако, только на формальный эффект, а по существу не выдерживала, конечно, никакой критики. Нам не известно ни одного случая, когда бы Белинский, пользовавшийся разными способами замены своей фамилии в печати («В. Б.», «Б.», «—он —инский»), воспользовался бы концовкой «нский». В числе сотрудников «Телескопа» и «Молвы» были, к тому же, литераторы, фамилии которых имели такое же окончание (напр. О. М. Бодянский). Наконец, никто бы не мог возбранить Надеждину как редактору «Молвы», намеренно отвести подозрение от себя как автора подписью, напоминающею фамилию того или иного из его сотрудников.

3

Рецензии на «Любовь моего соседа» и на «Дедушкины посиделки», помещенные в «Молве» от 6 июля 1834 г. (№ 27, стр. 10—11) за подписью «W», ни тематически, ни лексически, ни формально-конструктивно не связаны с общеизвестными писаниями молодого Белинского. Правда, в них нет ничего, что и резко противостояло бы последним.

«Подпись „W.“, — писал С. А. Венгеров, — дает известное основание приписать эти две небольшие рецензии Белинскому. Правда, буквой „W“ мог бы подписаться и В. Межевич, деятельный сотрудник библиографического отдела „Молвы“. Но, так как непосредственно за этими двумя статейками идет рецензия, подписанная псевдонимом Межевича — Читатель *ex officio*, то становится вероятным, что буква W поставлена для того, чтобы отделить двух авторов. Слог как будто бы Белинского. С этими оговорками считаем не лишним перепечатать статейки» (I, 254).

Аргументация С. А. Венгерова сама по себе очень осторожна и никак не мотивирует его же — для нас совершенно неожиданного — заключения. Последнее могло бы иметь некоторое оправдание лишь в одном случае — если бы удалось установить хоть какие-нибудь признаки, родящие статьи за подписью «W» с подлинными статьями Белинского до «Дедушкиных посиделок» или после них. Таких признаков, однако, установить не удалось, а потому и заключение С. А. Венгерова должно отпасть, как формально порочное и беспрельдно расширяющее возможности заполнения собрания сочинений того или иного автора анонимной продукцией любого из его товарищей по журнальной работе.

Прошло около полувека со времени включения в полное собрание сочинений Белинского случайных рецензий неизвестного автора за подписью «W». Заметки о «Любви моего соседа» и о «Дедушкиных посиделках» утвердились за Белинским, уже как бы по праву давности.

Больше того, нейтрально-равнодушное отношение буржуазно-народнической историографии к засорению собрания сочинений Белинского вещами, ему не принадлежащими, не встретило надлежащего отпора и со стороны советских исследователей. В 1945 г. М. Я. Поляков, изучая первые литературные шаги Белинского, установил наличие в одном из номеров «Молвы» еще одной заметки за подписью «W». Эта рецензия оказалась в «Театральной хронике» и была оформлена в виде «Письма к издателю» о постановке в Москве пьесы А. А. Шаховского «Смольяне» («Молва», 1834, № 19, стр. 295—297).

Несмотря на то, что «Письмо» это обнаруживало в его авторе черты квалифицированного театрального рецензента, каким Белинский в эту пору еще быть не мог, несмотря на то, что оно никак не увязывалось с известными нам суждениями Белинского о репертуаре русских театров 1830-х годов и о Шаховском, как драматурге, М. Я. Поляков, основываясь на самой подписи «W», пришел к выводу о принадлежности «Письма» Белинскому.

«Еще С. А. Венгеров вполне обоснованно установил <?!>, что подпись принадлежит Белинскому,— указывал М. Я. Поляков.— Две заметки из № 27 „Молвы“ за 1834 г., подписанные этой буквой, он ввел в собрание сочинений критика. Третью о которой идет речь, он, по странному недосмотру, не заметил» («Театр», 1945, № 3-4, стр. 79).

Мы нарочно привели выше полностью выписку из комментария С. А. Венгерова, чтобы показать, что даже он сам никогда не считал «установленным» тожество «W» с Белинским. «По странному недосмотру» он действительно упустил заметку о «Смольянах». Но если бы этого недосмотра не случилось, то С. А. Венгеров, вероятно, сам поспешил бы от своей осторожной гипотезы отказаться. Он должен был знать, что автором статей и заметок о новых театральных постановках в московских журналах 1830-х годов был страстный театрал и профессиональный театральный рецензент В. С. Межевич, который еще до Белинского и вместе с ним деятельно сотрудничал и в «Телескопе» и в «Молве».

4

Изъятие из литературного формуляра молодого Белинского полемических статей и заметок за подписями «—нский» и «W», как вещей, ему не принадлежащих, обязывает исследователя еще к одному выводу био-библиографического порядка.

Активное сотрудничество Белинского в журналах Надеждина, начавшееся весной 1833 г. и имевшее постоянный характер (его переводы печатались из месяца в месяц, почти без перебоев), к началу следующего года не сокращается, а вовсе обрывается. За время с января до середины июля 1834 г. вся работа Белинского в «Телескопе» и «Молве» исчерпывается публикацией переводного очерка из истории раннего средневековья «Испытание кипящею водою». Но и этот очерк залежался, видимо, в портфеле редакции с предыдущего года, ибо, несмотря на свою цензурную дату (6 февраля 1834 г.) он был напечатан в одном из дополнительных номеров «Телескопа», недоданных подписчикам за 1833 г. («Телескоп», 1833, № 21, стр. 62—79. Ср. «Летопись жизни Белинского», М., 1924, стр. 24—28). Лишь с конца лета Белинский возобновляет свое

сотрудничество в «Телескопе» и «Молве», работа его опять получает регулярный характер, причем с 3 августа Белинский переселяется в квартиру Надеждина и даже заменяет его в течение полутора месяцев в журнале на правах заведующего редакцией.

Чем же объяснить установленный нами полугодовой перерыв сотрудничества Белинского в «Телескопе», его временный, но явный отход от Надеждина? Как известно, из Москвы он никуда в течение этого времени не отлучался, материальное положение его к лучшему не изменялось, никакой другой работы, кроме случайных уроков, у него не было.

Мы полагаем, что этот перебой в литературно-деловых взаимоотношениях Белинского с Надеждиным мог быть вызван только какими-то осложнениями принципиального или тактического характера. Эти осложнения мы склонны связать, разумеется гипотетически, с судьбой той первой оригинальной статьи, которая написана была Белинским для «Телескопа» в конце 1833 г., но света так и не увидела. Об этой статье, точнее о предстоящем появлении ее в «Телескопе», Белинский уведомлял брата Константина в письме из Москвы от 8 ноября 1833 г. Свою новую работу, в отличие от всех предыдущих, Белинский характеризовал как «оригинальную статью» и отмечал даже ее название: «Тоска» (см. в наст. томе, стр. 158). Ни в одном из номеров «Телескопа» и «Молвы» статьи этой, однако, не оказалось. Она не сохранилась и в рукописи*.

Можно, однако, предполагать, что статья была литературно-критической, писанной в эмоциональных тонах «Литературных мечтаний». К этому заключению уполномочивает нас и тематическая близость ее названия («Тоска») знаменитому подзаголовку «Литературных мечтаний» («элегия в прозе»), этому не противоречит и самая интонация начальных страниц «элегий» («Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни?<...> Увы! где ты, о bon vieux temps, где вы, мечты отрадные, где ты, надежда-обольститель! Какое ужасное, раздирающее душу разочарование, после столь сильного, столь сладкого обольщения» и пр.).

Если рассматривать «Тоску» как начальный вариант «Литературных мечтаний», как первый подход Белинского к проблематике его литературного и критического шедевра 1834 г., то и вопрос о переходе Белинского — журнального чернорабочего на амплуа Белинского — ведущего критика утратит в значительной степени свою остроту**, перестанет ассоциироваться со скачком, биографически не мотивированным, литературно не подготовленным.

Белинский переходной поры, Белинский кануна «Литературных мечтаний» это вовсе не аноним, какой-то «—нский» или «W», автор бесцветных заметок, затерянных на страницах «Молвы». Нет, это автор «Тоски», изъятый из «Телескопа» еще осенью 1833 г., это автор, вероятно, и других литературно-критических этюдов, не попавших в печать, и статей, не дошедших до читателя, но в процессе создания которых и определилась в 1833—1834 гг. база для выхода Белинского в большую литературу.

Ю. Оксман

* Первые сведения об этой статье Белинского появились в печати еще в 1859 г. на основании отмененного нами выше письма великого критика к брату от 8 ноября 1833 г., но без точной даты этого свидетельства и с ложной ссылкой на то, что «Тоска» опубликована была в «Телескопе» 1833 г. («Моск. ведомости», 1859, № 25). С. А. Венгеров, перепечатав полностью эту заметку, снабдил ее разъяснением: «Такой статьи ни в «Телескопе», ни в «Молве», ни за 1833, ни за позднейшие годы, ни оригинальной, ни переводной не появлялось. Тут какое-нибудь недоразумение или ошибка» (I, 249). Без всякой аргументации А. А. Корнилов выдвинул совершенно несостоятельную гипотезу о том, что статью «Тоска» следует считать отрывок из анонимного романа «Две жизни» в «Телескопе» 1834 г. («Рус. мысль», 1911, № 6, стр. 32).

** «В биографии Белинского есть один невыясненный вопрос, — отмечается даже в популярных обзорах жизненного пути великого критика, — каким образом Надеждин, зная Белинского только как переводчика, приступает к печатанию статьи „Литературные мечтания“, имея только ее начало и совершенно не зная критических сил Белинского?» (И. Кубиков. «В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность». М., 1924, стр. 11).

IX

«ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА.
ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МИХАИЛА ДЕ ЛА РЮ»

(«Лит. газета», 1840, № 7)

Среди других, ранее не известных статей и критических заметок Белинского, напечатанных в предыдущем 56-м томе «Литературного наследства» (стр. 23—24), редакция поместила и названную в заголовке анонимную рецензию из «Литературной газеты» за 1840 г. Автор публикации Л. Ланский приписал рецензию Белинскому главным образом на основании близости ее (и формальной и по существу) к другому отзыву на ту же книгу, появившемуся в первом номере «Отеч. записок» за 1840 г. и вошедшему в «Полное собрание сочинений» критика (V, 90—91).

По поводу этой публикации редакция «Литературного наследства» получила замечания аспиранта Саратовского государственного университета В. М. Потявина. В них оспаривается убедительность доказательств Л. Ланского.

«Известно,— пишет В. М. Потявин,— что Белинский не сомневался в подлинности „Слова о полку Игореве“ и решительно отвергал досужие домыслы на этот счет скептиков. Так, в III-й статье о „Древних российских стихотворениях...“ Белинский, полемизируя со скептиками, прямо говорит, что «это произведение явно современное воспетому в нем событию» (VI, 361). „Слово,— писал критик,— прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения. Что же касается до того, точно ли „Слово“ принадлежит XII или XIII веку, и не поддельно ли оно: на это сама поэма лучше всего отвечает, если только об ней судить на основании самой ее, а не по разным внешним соображениям» (VI, 362). Кроме того, Белинский всегда относил „Слово о полку Игореве“ к „древнейшим памятникам русской народной поэзии“, но не к письменной художественной литературе (VI, 64, 361, 362 и др.). Иные взгляды по этим вопросам были у Каткова, сотрудничавшего вместе с Белинским именно в эту пору, в изданиях Краевского. Катков никогда решительно не отрицал мнений скептиков о „Слове“. Правда, он иногда высказывал сожаление, что скептики лишают его удовольствия наслаждаться поэтической стороною „Слова“, но тут же отмечал и весомость для себя их аргументации. Явное сочувствие аргументации скептиков выражено было Катковым в рецензии на книгу М. Максимовича „История древней русской словесности“ („О. З.", 1840, кн. 4, стр. 71). Эта рецензия послужила поводом для ответной статьи М. Максимовича «Отзыв на критику истории древней русской словесности М. Максимовича, помещенную в „Отечественных записках“» („Сев. пчела", 1840, № 125, 6 июня), в которой автор делает выпад не только против „выспренных идей“ статьи, помещенной в „О. З.", но и по поводу сомнений рецензента в подлинности „Слова о полку Игореве“. Кроме того, Катков всегда относил „Слово“ не к народной поэзии, а к памятникам письменной художественной литературы. В статье „Песни русского народа“ Катков писал, что Сахаров в своем предисловии „излагает доводы признающих подлинность этого произведения и сомнения отрицающих ее“. „Сам г. Сахаров,— продолжает Катков,— присоединяется к первым и старается отвергнуть все сомнения и утвердить подлинность. Его старания однако ж особенно утвердить подлинность „Слова“ довольно не удачны. Мы сами за себя не будем касаться теперь этого вопроса, скажем только, что во всяком случае „Слово о полку Игореве“ может быть только памятником, положим и прекрасным, нашей письменности; на него должно смотреть с другой точки, нежели на народную поэзию, это произведение отдельного человека, перешедшее прямо из головы на бумагу, а не произведение целого народа, образовавшееся и живущее в устах“ („Отеч. зап.", 1839, т. IV, отд. VI, стр. 91). Остается нерешенным вопрос о подлинности „Слова“ и для автора публикуемой Л. Ланским рецензии. „Много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится“ („Лит. наследство", т. 56, стр. 23). Далее автор рецензии указывает,

что „Слово“ „представляется вам полным художественным произведением, и в душе вашей возникает невольная досада против скептической критики, которая хочет отнять у вас это прекрасное произведение и иногда представляет такие аргументы, что поневоле призадумаетесь“. Белинский, конечно, никак не мог в такой осторожной форме реагировать на клеветнические измышления скептиков. Таким образом, рецензия в „Литературной газете“ на книжку Михаила Де Ла Рю „Песнь об ополчении Игоря“ скорее может принадлежать Каткову, чем Белинскому.

Полемические замечания В. М. Потявина заставили редакцию «Литературного наследства» подвергнуть специальному обследованию предмет возникшего научного спора. В результате обследования редакция пришла к заключению о полной обоснованности негативного вывода В. М. Потявина — вывода, требующего даже более решительной категорической формулировки: напечатанная в седьмом номере «Литературной газеты» за 1840 г. рецензия на книгу «Песнь об ополчении Игоря» <...> Переложение Михаила Де Ла Рю безусловно написана не Белинским.

Вместе с тем произведенное обследование заставляет исключить из списка рецензий критика и тот упомянутый выше отзыв на ту же книгу Де Ла Рю, напечатанный в первом номере «Отеч. записок» за 1840 г., который был включен Венгеровым в Полное собрание сочинений Белинского (V, 90—91).

Ошибка Венгерова, послужившая опорным пунктом для новой ошибки в публикации Ланского, становится совершенно очевидной в свете следующих фактов.

Автор анонимных рецензий как в «Отеч. записках», так и в «Литературной газете» вполне сочувственно относится к самому замыслу Де Ла Рю дать стихотворное переложение «Слова», высоко оценивает конкретные результаты осуществленного им труда и вместе с тем обнаруживает колеблющуюся, неопределенную позицию по вопросу о подлинности «Слова»: «Г. Де Ла Рю, — читаем в рецензии «Отеч. записок», — имел самое благое намерение, не входя в ученые разыскания и исследования о достоверности известного „Слова о полку Игореве Игоря сына Святъслава“, переложить его в нынешние звучные, гладкие гекзаметры, чтоб сделать доступным для всех читателей, которым недоступен язык этого древнего памятника. Таким образом, никто не имеет права спрашивать почтенного переводчика, почему он так утвердительно говорит о „Слове“, как о памятнике русской письменности XII века <...> г. Де Ла Рю действовал тут как поэт, не как критик-археолог, — и, как поэт, исполнил свое дело с совершенным успехом: его гекзаметры <...> истинный подарок для читателей; их с удовольствием прочтет всякий — и верующий и неверующий в древность и великорусское происхождение этой поэмы» (V, 90—91).

Совершенно те же по существу высказывания находим и в отзыве «Литературной газеты». Заявляя, что по вопросу о подлинности «Слова» «много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится», автор отзыва пишет далее: «а между тем нельзя не поблагодарить от души наших поэтов, которые с такой любовью занимаются этим драгоценным памятником старины. Их поэтическое чувство иногда может уяснить дело более, нежели холодная критика ученого, чему доказательством служит настоящее переложение г. Де Ла Рю...» («Лит. наследство», т. 56, стр. 23).

В. М. Потявин в своих замечаниях не учел этого сходства рецензий на книгу Де Ла Рю в «Отеч. записках» и в «Литературной газете». Между тем сходство это очевидно. Именно оно-то и послужило причиной ошибочной атрибуции и оно же заставляет исключить из литературного наследства Белинского не только рецензию «Литературной газеты» на книгу Де Ла Рю, но и рецензию на ту же книгу в «Отеч. записках».

Суждения автора или авторов этих рецензий находятся в решительном противоречии с известными взглядами Белинского по вопросу о подлинности «Слова», о чем речь была выше, и с прочно устоявшимся отрицательным отношением критика к принципу «поэтических переделок» знаменитого памятника. В обзоре «Русская литература в 1846 году» Белинский писал по поводу стихотворного переложения «Слова» Миная: «что до нас собственно касается, нам так нравится „Слово о полку Игоревом“ в его настоящем виде, что мы не можем без неприятного чувства смотреть на его

переделки. Нам кажется, что его вовсе не нужно ни изменять, ни переводить, ни перелгать, но довольно заменить в нем слишком обветшалые и непонятные слова более новыми и понятными, хотя и взятыми же из народного языка» (X, 413; ср. также XII, 514).

А в более раннем и наиболее развернутом отзыве о «Слове», содержащемся в III-й статье о «Древних российских стихотворениях» 1841 г., Белинский писал: «„Слово о Пълку Игоревом“ несколько раз было переводимо прозою, и б ы л и, к а ж е т с я, д в е п о п ы т к и (гг. Вельмана и Деларю) перевести его стихами или мерною, ритмическою прозою. Но попытки последнего рода должны считаться совершенно излишними: „Слово“ может быть прекрасно только в его первобытном и наивном виде без всяких других изменений и поправок, кроме подновления слишком устаревших слов и оборотов» (VI, 377—378).

В результате всего сказанного следует вывод: обе рецензии на книгу Де Ла Рю — в «Отеч. записках» и «Литературной газете» — должны быть изъяты из списка сочинений Белинского как ему не принадлежащие.

Р е д а к ц и я

Р. С. В момент подписания к печати последних листов настоящего тома редакцией были получены дополнительные замечания В. М. Потявина. В них он приводит ряд соображений, доказывающих необходимость исключения из Полного собрания сочинений Белинского (VI, 202—206) еще одной рецензии, напечатанной в «Отеч. записках» 1841 г., кн. 6, на книгу И. П. Сахарова «Сказания русского народа». Эта рецензия, несомненно, принадлежит перу того же автора, что и упоминаемая выше рецензия на книжку Де Ла Рю в «Отеч. записках». В. М. Потявин считает, что она также написана Катковым.

По техническим причинам редакция уже не имеет возможности дать место для обсуждения вновь возникшего вопроса.